

Сергей Петров

Деревянные лошадки
большое дадаистское действо в 3-х суаре

Чехов, 2023

Программа

Пролог в Берне
Пролог в Ту-154

Суаре 1

Шпигельгассе, 14
Кабаре Вольтер:
Деревянные лошадки, увертюра
Дада-манифест
Об искусстве
Карусель
Деревянные кони
Партийная организация и партийная литература
Ленин. Да-да!

Суаре 2

Центральная кантональная библиотека Цюриха
Кабаре Вольтер:
Игра в лошадки
Вертепное действо
Рождественская песенка
Нечистые трагики и прокаженные драматурги
Вулкан страстей
Господин Антипирин
Песенка дадаиста

Суаре 3

Народный дом в Цюрихе, прямая линия
Кабаре Вольтер:
Поехал на палочке
Ножницы — орудие дадаиста
Империализм в нарезку
Деревянные кони — 2
Ленин в Цюрихе
Матчиш
Конец света
Деревянные лошадки

Финал в пломбированном вагоне

Приложения

Действующие лица

Александр Исаевич Солженицын, писатель, истинный патриот России и националист в цивилизованном смысле этого слова.

Владимир Ильич Ленин.

Появляются в случайном порядке, иногда по несколько сразу, иногда не появляются вовсе:

(Н. Ленин), Б., Б. Б., Б. В. Куприанов, Б. Г., Б. Ж., Б. К., Базиль, Большевик, В., В. И — ин, В. И., В. И. Ивановский, В. Ил., В. Ильин, В. Ленин, В. Ф., В. Фр., В. Фрей, Вильям Фрей, Вл., Вл. Ил., Вл. Ильин, Вл. Ильин (Ленин), Вл. Ленин, Влад. Ильин, Г. Пр., Д., Джон Фрей, Дядя, Дядя Водя, -е-, И., И. В., Ив. Петров, Иван Иванович, Иван, Ильин, Иванов, Ильич, Иордан Йорданов, И-чин-ли, К — в, К — пов, К. Т — ин, К. Иванов, К. О., К. П., К. С — ий, К. Т — н, К. Т., К. Тулин, К. Ф., Кар — ов, Карич, Карпов, Константин Петрович, Кубышкин, Л., Ленин, Ленин (В. Ульянов), М., М. Н., М. М., М. Б., М. П., М. Ш., Мейер, Мирянин, Н — к, Н — ков, Н Константинов, Н., Н. ..., Н. К., Н. Б., Н. К — въ, Н. К — ов, Н. Л — н, Н. Л — ъ, Н. Л., Н. Ленивцын, Н. Ленин, Н. Ленин (В. И. Ульянов), Н. Ленин (В. Ульянов), Н. Ленин (Вл. Ульянов), Н. Ленинъ, Н. Н., Не-либеральный скептик, Наблюдатель, Не-депутат, Николай Петрович, П., П. Осипов, П. П., П. Пирючев, Петербуржец, Петров, Посторонний, Постоянный читатель «Правды», Почти примиренец, Правдист, Р. С., Р. Силин, Русский коммунист, С., С..., Синьор Дринь-дринь, Сотрудник «Пути Правды», Ст., Старик, Старик и К°, Статистик, Т — ин, Т., Т. Х., Т. П., Тяпкин-Ляпкии, Ул., Ф., Ф. Л — ко, Ф. П., Ф. Ф., Ф. Ф. Ивановский, Фр., Федор Петрович, Фрей, Читатель, Читатель «Правды» и «Луча», Чхеидзе., ъ., Якоб Рихтер д-р прав, A. Linitsch Un communiste Russe, I. Petroff, Iljin, Jacob Richter, Jacob Richter. LLD., Lenin, Lenin (W. Oulianoff), Lenin (Wl. Uljanow), Lénine, N., N. L., N. Lénin, N. Lénin (Vl. Oulianoff), N. Lenin (Wl. Ulianow), N. Lenins, N. Linitsch, Petroff, NN, Russischer Kommunist, V. I. Lénine, V. L., W., W. I., W. L., W. Lénine, Wl., U.

Дадаисты со словами и без:

Ханс Арп, Хуго Балль, Марсель Дюшан, Франсиса Пикабиа, Сюзанн Перроттеи, Софи Тойбер, Тристан Тцара, Эмми Хеннингс, Рихард Хюльзенбек, Курт Швиттерс, Георг Янко, Марсель Янко и др.

Остальные (список прилагается).

Пролог в Берне

16 (29) января 1916 года. Берн, Швейцария. Доннербюльвег, 33.
В комнате только Ленин. Стук в дверь.

Ленин. Да-да! Войдите!

Входит Крупская.

Крупская. Хер Мейер, только что пришло письмо от болгарина Соломона Гольдштейна из Цюриха.

Мейер. Шифр или химия?

Крупская. Раз дата подчеркнута, — значит, химия.

Н. Ленин. Читай скорее!

Крупская. *«Кабаре Вольтер»*. Под таким названием учреждено общество молодых художников и литераторов, цель которых — основать центр развлекательных мероприятий. Кабаре должно работать как сборный пункт, чтобы в ходе ежедневных встреч в нем проводились музыкальные исполнения и декламировались иные доклады художественной публики, присутствующей в качестве гостей, а художественная молодежь Цюриха приглашается к участию, лично и своими предложениями, без оглядки на то или иное определенное направление в искусстве».

Старик. Хотя мы не «художественная молодежь», а «нехудожественные старики», это чрезвычайно важно! «Без оглядки» — сильно сказано! Хорошо бы, так же, без оглядки, взять, да и махнуть в Цюрих... Интересно, когда это кабаре открывается?

Крупская. Думаю, часов в шесть вечера, Старик.

Л. Рыбка моя, я спрашиваю, какого числа?

Крупская. 5 февраля 1916 года.

Lépine. Решено! Немедленно едем в Цюрих!

Крупская. В Цюрих, Н. Н.?!

Н. Л. Именно! И Инессу Арманд с собой возьмем.

Крупская. Зачем, Кар — ов?

Посторонний. Как зачем?! Ведь в Цюрихе две библиотеки.

Крупская. В Цюрихе одна библиотека.

Н. Б. В Цюрихе две библиотеки!

Крупская. Пускай хоть три. Тем лучше.

Г. Пр. В Цюрихе две библиотеки! В Цюрихе две библиотеки — Цюрихская кантональная библиотеки и библиотека социальной литературы в Цюрихе. А если вам неуютно слушать, если мои слова раздражают вас, то я могу не говорить. Я даже могу уйти в другую комнату...

Крупская. У нас две комнаты, Н — к?

Т. *(крепко задумывается)*. Что делать?.. Срочно пишем письмо М.М. Харитонову, он как раз там.

Крупская. В комнате?

П. В Цюрихе.

Крупская. М.М. — это кто, Ф. П.?

Н. Ленин (Вл. Ульянов). Какой Ф.П.? Харитонов не Ф.П., а М.М.

Крупская. Так я напишу: «Дорогой Михаил Михайлович!».

Пјип. Ну какой же Харитонов — Михаил Михайлович? Он натурально Моисей Маркович, Минога!

Крупская. Почему так официально, по-партийному, Николай?

К. Ф. Потому, что «Кабаре Вольтер» — архиважное партийное и интернациональное начинание. Только представь — под видом развлекательных мероприятий бороться с

империализмом, войной и буржуазным искусством... Из всех искусств для нас важнейшим теперь является дада.

Крупская. А почему — «дада»? И какое же это — «искусство», Иван?

Р. С.. Ты помнишь статью Ленина «Leo Tolstoi als Spiegel der russischen Revolution»?

Крупская. Я все ваши статьи наизусть помню, товарищ Н. К.

Вл. Так, вот, что писало революционное зеркало в романе «Воскресение»:

— Послушайте, Дмитрий Иванович, ведь это совершенное безумие! Разве возможно в наше время уничтожение собственности земли? Я знаю, это ваш давнишний dada.

Крупская. N. L.! У Льва Николаевича точно написано «dada»?

М. Ш. Повторяю по буквам: d-a-d-a. Продолжаю:

Но позвольте мне сказать вам прямо... — И Игнатий Никифорович побледнел, и голос его задрожал: очевидно, этот вопрос близко трогал его. — Я бы советовал вам обдумать этот вопрос хорошенько, прежде чем приступить к практическому разрешению его».

Крупская. Да уж, с зеркалом не поспоришь. Dada, значит, дада.

Сотрудник «Пути Правды». Какая глыба, а? Какой матерый человечисше? А искусство это, или антиискусство, — какая разница? Главное, чтобы на пользу мировой революции и для отмены помещичьей собственности на землю немедленно и без всякого выкупа.

Крупская. Так что, писать, сэръ Вильям?

Вильям Фрей. «Мы приедем в Цюрих 4 февраля. 1) Сколько может дать чистого дохода (т. е. для меня) реферат? Minimum и maximum? Тема: «Два Интернационала»: растущее разделение и раскол с социал-шовинистами во всем мире. Возможно ли увеличить доход двумя рефератами и насколько? 2) Помогут ли местные товарищи устроиться нам вдвоем дешево и сколько будет стоить 3) комната недалеко от «Кабаре Вольтер» рядом с (на двоих, хотя бы с одной кроватью) в неделю? самая дешевая, в рабочей семье желательна? 4) обед в столовке, буде такая есть (здесь платим 65 сантимов в студенческой) 5) Morgenkafee и кофе вечером, ибо своим хозяйством в Цюрихе мы не можем, конечно, устроиться?».

Крупская. Что насчет кабаре добавить, Н. Н.?

Н. «Очень прошу Вас 1) разузнать (*тактично*: все сие *конспиративно*) подробнее про это: место, продолжительность, состав; 2) выяснить, нельзя ли и представителю нашей партии быть; постараться, чтобы можно было, и *проникнуть самому*; 3) специально постараться узнать, как можно скорее, кто именно будет, связаться с ними, повидать их и как можно скорее *связать* их с нами».

Крупская. Все это хорошо, но где нам взять деньги на дорогу и обустройство, товарищ М. М.? У нас скоро прекращаются все старые источники существования, и вопрос о заработке встает довольно остро. Обещали мне урок, но дело все как-то тянется, обещали переписку — тоже ни черта.

Федор Петрович. У меня есть фантастический план, Наденька. Надо издать «Педагогическую энциклопедию», которая заполнит очень важный пробел в русской педагогической литературе, будет очень полезной работой и даст заработок, что для нас архиважно. Спрос теперь в России, с увеличением числа и круга читателей, именно на энциклопедии и подобные издания, очень велик и сильно растет. Хорошо составленная «Педагогическая энциклопедия» будет настольной книгой учителя и выдержат ряд изданий. Ты же много-много лет занималась педагогикой, писала об ней, готовилась систематически и сможешь этот план осуществить. А Цюрих — исключительно удобный центр именно для такой работы. Педагогический музей там лучший в мире. Доходность такого предприятия несомненна. Лучше бы всего было, если бы удалось самим издать сие, заняв потребный капитал или найдя капиталиста, который бы вошел пайщиком в это предприятие.

Крупская. А Дада при чем? Как это связано с педагогикой, П. П.?

М. Б. А «Дада» и будет первой статьей в «Педагогической энциклопедии»! Ведь «Dada» по-французски — детская лошадка, и именно на ней начинается детство.

Крупская. Мечтатель ты, Володенька!
Почти примиренец. В Цюрих, в Цюрих, в Цюрих!

Пролог в Ту-154

14 февраля 1974 года. Борт самолета, заполненного вертухаями и сторожевыми собаками. На одном из кресел сидит Солженицын, одетый в свой парадный костюм зэка с номером Щ202.

Стюардесса. Сегодня 14 февраля 1974 года. Командир корабля пилот международного класса Константин Петрович Иванов и экипаж рады приветствовать вас на борту лайнера «Ту-154», выполняющего рейс по маршруту Москва-... ***. Полет будет проходить на высоте 11 тысяч метров. Время в пути ***. В полете вам будет предложены баланда и чифирь. Параша расположена в хвостовой части самолета. Шаг влево, шаг вправо, прыжок вверх, прыжок вниз, с парашютом или без, — приравниваются к побегу. Желаем Вам приятного полета, суки.

Солженицын. Куда меня везут?

Иван Иванович. Александр Исаевич, прилетим — увидите! (*Бьет Солженицына.*)

Солженицын. Летокрылом я не могу.

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).

Иван Иванович. Как учит коммунистическая партия, нечистая сила не отбрасывает тень, поскольку существование нечистой силы противоречит как историческому, так и диалектическому материализму. Нечистой силы нет, а значит и тени от нее нет (*Бьет Солженицына.*)

Солженицын. А Люцифер отбрасывает тень, гражданин начальник!

Иван Иванович. И Люцифера нет, значит и крыльев у него нет. Первый раз летишь, нечисть?

Солженицын. Первый. Я — не летун!

Иван Иванович. Ну и будет вам первое небесное приключение. Ничего изменить нельзя. Конфеток «взлетных» берите побольше, очень помогает в полете... А загнанных лошадей пристреливают, не правда ли? Но вы не бойтесь. У меня все лекарства есть. Таблеточки примите, давайте начнем с феназона. А то и укольчик рицина сделаем. (*Бьет Солженицына.*)

Солженицын. На каком основании?

Иван Иванович. Основание, вша антисоветская? Будет тебе и основание, и рецепт, и виза с указом. (*Бьет Солженицына.*)

Не подлежит опубликованию

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О лишении гражданства СССР и выдворении
за пределы СССР Солженицына А. И.

Учитывая, что Солженицын систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим враждебным поведением ущерб Союзу ССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года "О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик" за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР и выдворить за пределы СССР СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича, 1918 года рождения, уроженца гор. Кисловодска.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(Н. Подгорный)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(М. Георгадзе)

Москва, Кремль
12 февраля 1974 г.
№ 5994-УШ

Солженицын. Настанет время, замшылят в свободной России Подгорного и Георгадзе, и, даже Ленина. А вот СОЛЖЕНИЦЫНА будут помнить всегда.

Иван Иванович. Ты тоже запомнишь Ивана Ивановича! (*Бьет Солженицына.*)

Солженицын. Когда мы перемчимся?

Иван Иванович. Александр Исаевич, самолет прибывает по расписанию. (*Бьет Солженицына.*)

Солженицын. Как так? Вылет же изволочали на три часа.

Иван Иванович.

Самолет в Москве взлетает, —
Солженицын в нем сидит!
«Вот те нате — хрен в томате!», —
Балль, волнуясь, говорит!

Солженицын. Меня ждет Бёлль, а не Балль!

Иван Иванович. Балль, Бёлль, какая разница? Один хрен — писатель. (*Бьет Солженицына.*)

Солженицын. Говорят, у современных самолетов есть специальная локаторная система распознавания встречаемых в воздухе объектов: свой-чужой.

Иван Иванович. Ах ты, цэрэушная подстилка, военные секреты выдать хочешь! (*Бьет Солженицына.*)

Солженицын (*гордо*). Я лишен гражданства СССР, а значит, свободный человек: сейчас пойду на парашу, никого не спрашивая.

Иван Иванович. Писсуар не описай, свободный человек! (*Бьет Солженицына.*)

Солженицын. Так у меня ж даже денег нет!

Иван Иванович. Возьмите 500 дойчемарок. (*Бьет Солженицына.*)

Солженицын. Кому я буду должен?

Иван Иванович. Никому.

Солженицын. А где мое литературное наследие?

Иван Иванович. Вывозят вслед за нами на двух транспортных самолетах. (*Бьет Солженицына.*)

Стюардесса. По техническим причинам наш самолет совершит посадку не во Франкфурте-на-Майне, а в Цюрихе. Дата прилета 15 февраля 1916 года.

Солженицын. Ну вот, опоздалок вышел. Не успел-таки на открышку «Кабаре Вольтер». КГБ и Аэрофлот в своем сообычном репертуаре. Не могли вовремя выслать, совки!

Суаре 1

Шпигельгассе, 14

У двери квартиры сапожника Каммерера писатель Солженицын, в своем обычном, т.е. арестантском костюме.

Солженицын. Добрый день!

Сапожник. Добрый день!

Солженицын. Это Шпигельгассе, 14, или, пардон, я ошибся?

Сапожник. Да, Зеркальный переулок четырнадцать. Вы не тот, Адмирал, который ищет, где бы снять жилье?

Солженицын. Нет. Я записной писатель Солженицын, уроженец Кисловодска. Сейчас перевозом из Москвы. Приехал выполучить Нобелевскую премию.

Сапожник. Странно вы говорите, барин, не по-нашенски. А что Нобелевки касасемо, то вы ошиблись адресом. Нобелевские премии выдают по адресу Ленгштрассе, 31, психиатрическая больница «Бургхельцли». А я сапожник Каммерер, гражданин кантона Ури, но сейчас проживаю в Цюрихе.

Солженицын. Вы немец?

Сапожник. Да, пожалуй, немец... А вы из-за границы что ль?

Солженицын. Да, из России.

Сапожник. Фью! Эк ведь вас!..

Солженицын. Не проживает ли здесь господин Ленин?

Сапожник. Здесь живет моя семья, жена солдата с детьми, итальянец, австрийские актеры с рыжей кошкой и россияне — Ульяновы.

Солженицын. А где можно найти Ленина, не подскажите?

Сапожник. Не мое дело. Попробуйте узнать у моей фрау или у моих жильцов.

Солженицын. А как найти вашу фрау?

Сапожник. Если ее нет в кирхе и она не занимается с киндерами, то фрау на кухне. Проходите, пожалуйста, майн хер.

Кухня сапожника Каммерера, воняющая гнилой колбасой, рыбой, бараниной. На кухне три женщины: фрау сапожника, жена солдата, супруга подпольщика. Они готовят на газовой плите. Входит Солженицын.

Солженицын. Какой запах, однако!

Супруга подпольщика, Крупская. Тут в доме колбасная и со двора нестерпимо несет гнилой колбасой. Окна можно открыть только ночью.

Солженицын. Вы не понимаете! Гнилой Запад — это штамп советской пропаганды. А у вас — запах свободного мира! Раскройте окна пошире!

Фрау сапожника. А мы еще и рыбу жарим.

Солженицын. Ну кто так жарит? Масла побольше добавьте, а солить вообще не надо — у меня бессолевая диета.

Жена солдата (живая на супругу подпольщика). А они еще и баранину готовят, хотя сегодня не положено мяса.

Фрау сапожника. Швейцария испытывает затруднение во ввозе мяса, и потому правительство обратилось к гражданам с призывом два раза в неделю не потреблять мяса. Но мясные лавки продолжают торговать в «постные» дни.

Супруга подпольщика. Дороговизна дьявольская, жить стало чертовски трудно.

Солженицын. Как же проверяют, выполняют ли граждане призыв не есть мяса, — контролеры что ли какие по хатам ходят?

Фрау сапожника. Зачем же проверять? Раз опубликовано, что существуют затруднения, какой же рабочий человек станет есть мясо в «постные» дни, разве буржуй какой?.. К иностранцам это не относится.

Супруга подпольщика. Какой пролетарский сознательный подход.

Солженицын (*Жене подпольщика*). У меня есть кусочек хлеба — настоящий русский тюремный хлеб, не побрезгуйте. А я бы от баранинки не отказался. Нас, видите ли, во время перевоза целых 58 лет не кормили, если не считать карамелек «Взлетные».

Супруга подпольщика. Ну надо же!

Жена солдата. Вы русский?

Солженицын. От рыбки тоже не откажусь.

Жена солдата. Угощайтесь, чем Бог послал, пока муж на фронте кровь за Отечество проливает!

Фрау сапожника. Солдатам нужно обратить оружие против своих правительств!

Супруга подпольщика. У нас тут целый женский интернационал.

Солженицын. Шалашовки коммунистические меня не интересуют. Я, собственно, что позденем пришел — мне срочно нужно увидеть Ленина, хоть намельком. Не знаете, где он?

Жена солдата. Может спрятался? Спросите у наших детей, они как раз в соседней комнате играют.

*Комната жены солдата. Комната полна детишек-крохоток — это дети солдата и сапожника. Девочка в костюме зайца, множество детей в масках и без масок. На деревянной лошадке с красными колесами сидит мальчик — сын сапожника, в руке он сжимает шило.
Входит Солженицын.*

Солженицын. Вечер в хату, крохотки!

Мальчик на лошадке. Ступай себе мимо!

Солженицын. О, у вас еще стоит рождественская елка, какое чудо! Не под ней ли загмоздился товарищ Ленин?

Девочка-зайка. Мужик, зачем он тебе?

Мальчик на лошадке. Он ребенок?

Солженицын. Да, пожалуй, — он дитя своего времени... Какая у тебя неповбдливая деревянная лошадка. Такой маленький, а уже ездун.

Мальчик на лошадке. Дядя, ты дурак? Это — не лошадка. Это — dada.

Солженицын. Почему dada? Какая dada? Зачем dada? Есть же замечательные русская имена Сивка-бурка или Конек-горбунок.

Мальчик на лошадке (*играя шилом*). Слышь, конь педальный! Тебе сказали dada, значит — dada!

Солженицын. Понял. Откуда у тебя dada?

Мальчик на лошадке. Мне его дядя Водя подарил.

Солженицын. Мальчик, ну как ты сидишь на dada? Прямее спину держи, как настоящий белый офицер... (*Себе*.) Дада-Дядя-Водя. Надо записать. Могут еще одну Нобелевку дать, в виде исключения. При здешней дороговизне — не помешает... Записать и срочно зашифровать. Детишки, у кого есть шифроблокнот?

Девочка-зайка. А вам зачем?

Солженицын. И правда, зачем? Я же теперь живу в свободной стране... (*Девочке-зайке*.) Ты кто?

Девочка-зайка. Конь в пальто.

Солженицын. Какая у тебя замечательная скрывня зайца!

Девочка-зайка. Мне эту маску дядя Водя подарил!

Солженицын. Хороший дядя Водя. А вот дядя Володя Ленин... Он знаешь, что он с зайками делал?

Девочка-зайка. Не знаю. Ой, расскажите, дяденька.

Солженицын. Я коротко расскажу. Однажды в Шушенском Ленин охотился на зайцев. Была осень, пора, предшествующая ледоставу. По реке шла шуга — ледяное крошево, готовое вот-вот превратиться в броню. На маленьком островке спасались застигнутые ледоставом зайцы (как тут не вспомнить русскому человеку про деда Мазая!). Владимир Ильич сумел добраться в лодке до островка и прикладом ружья набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек. Надежда Константиновна, жена Ленина, рассказывает об охотничьем подвиге антипода некрасовского деда Мазая с завидным благодушием.

Мальчик на лошадке. Ты на кого батон, крошишь, чепушило нобелевское?

Когда был Ленин маленький,
Похож он был на нас,
Зимой носил он валенки,
И шарф носил, и варежки.
И падал в снег не раз.

Любил играть в лошадки,
И бегать и скакать,
Разгадывать загадки
И в прятки поиграть.
Когда был Ленин маленький,
Такой, как мы с тобой,
Любил он у проталинки
По лужице по маленькой
Пускать кораблик свой.

Как мы, шалить умел он,
Как мы, он петь любил,
Правдивым был и смелым
Таким наш Ленин был.

Девочка-зайка. А мне нравятся стихи Николая Александровича Некрасова, великого русского поэта.

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.

Мальчик в костюме лисы. Не такого, конечно, великого, как наш Иоганн Вольфганг фон Гете.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок досакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

Солженицын (*девочке-зайке*). Ты в теме поэта Некрасова?!

Поэты русские! Я с болью одинокой,
В тоске затравленной перебираю вас!
Пришел и мой — мой ранний, мой жестокий
Час истребления, уничтоженья час.

Девочка-зайка. Некрасова теперь весь Цюлих знает, его стихи в «Кабале Вольтел» дядя Водя читал. Он еще букву «л» плохо выговаривал.

Солженицын (себе). Вот я и почти нашел тебя, голубчик... *(Детям.)* А где же ваш папа?

Неожиданно в комнату врывается большой серый слон. Ребята и Солженицын визжат хором. Правда, они сразу разглядели чехол от роля. Но кто под чехлом?

Передние ноги слона. Наша папка — немец, он есть золдат. Он всех растопчет.

Солженицын. Вот какой молодец! Вырастешь, будешь, как папка. А злой дядя Володя Ленин хочет войну прекратить. Он за немедленный мир без аннексий и контрибуций агитирует. А еще Ленин родился в 1870 году, — по китайскому календарю, в год металлической лошади.

Передние ноги слона. Вот свинья!

Задние ноги слона. А ты кто, по китайскому календарю, фраер?

Солженицын. Я еще не родился. Меня родят в 1918 году в год желтой лошади.

Задние ноги слона. Ты, дядя, совсем ку-ку? Борода, вон, по самые нобелЯ, а, дескать, еще не родился.

Передние ноги слона. Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их.

Солженицын. Вы несмышлениши швейцарские не знаете, что такое настоящий страшный СЛОН. Это ужасный советский Соловецкий Лагерь Особого Назначения.

Задние ноги слона. Поскорее бы вырасти и стать СЛОНом, или каким еще лагерем.

Слон похрюкивая проходит вокруг елки, помахивает хоботом и вразвалку шагает к двери.

Солженицын. А у меня для вас, маленькие человечки, настоящий рождественский подарок. *(Достает из кармана кусок хлеба, отламывает примерно треть.)* Разделите между собой побратски — на целую неделю еды хватит. Но можете и не есть, а шахматные фигурки смастерить — какая же уютная жизнь будет!

Девочка-зайка. Вам точно в «Кабале Вольтел» надо — там тоже в шахматы отъявленные плидулки иглают.

Солженицын. Пока здесь еще Ленина поищу. Может он у вас в бараке, в смысле, в квартире, кто знает, где он?

Мальчик на лошадке. Сходи к синьору Дринь-Дринь, он итальянец.

Дверь в комнату синьора Дринь-дриня, итальянца. Слышится пение.

Солженицын. Дзинь-дзинь!

Синьор Дринь-Дринь. Дринь-Дринь!

Солженицын. Двойной дринк? Не откажусь.

Синьор Дринь-Дринь. Только Надежде Константиновне не говорите.

Солженицын. Не скажу, зуб даю.

Синьор Дринь-Дринь. Дринь-Дринь.

Солженицын. А у меня и еда есть, вы хлебушком закусывайте, синьор, не стесняйтесь.

Синьор Дринь-Дринь. Дринь-Дринь.

Солженицын. Опять-таки, не откажусь.

Синьор Дринь-Дринь. А рожа лауреатская не треснет?

Солженицын. Я только спросить хотел: а где Ленин?

Синьор Дринь-Дринь. Пиво пьет в «Кабаре Вольтер». Или у актеров ошивается, зайдите к ним в комнату.

*Театральный звонок. Комната австрийских актеров. По комнате разбросаны листы бумаги.
Актеры режутся в карты.*

Актер 2. Ты ловко раздаешь карты. Сразу видно, что с опытом — собираешь у себя королей и валетов.

Актер 1. Ты опять перепутал все листы в пьесе. Как теперь репетировать?

Актер 2. Читай подряд, все что под руку попадет. Никто и не заметит.

Актер 1. Дядя Джек будет сердиться, когда узнает, что вы уедете только через неделю в это же время.

Актер 2. Мне нет дела до Джека. Мне нет дела ни до кого, кроме вас. Я люблю вас, Сесили. Согласны вы быть моей женой?

Актер 1. Какой вы глупый! Конечно. Мы ведь обручены уже около трех месяцев.

Актер 2. Около трех месяцев?!

Актер 1. Да, в четверг будет ровно три месяца.

Актер 2. Но каким образом это произошло?

Актер 1. С тех пор как дядя Джек признался нам, что у него есть младший брат, беспутный и порочный, вы стали, конечно, предметом наших разговоров с мисс Призм: И конечно, тот, о ком так много говорят, становится особенно привлекательным. Должно же в нем быть что-то выдающееся. Может быть, это очень глупо с моей стороны, но я полюбила вас, Эрнест.

Актер 2. Сударыня, я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната.

Актер 1. Для меня вы — Эрнест!

Актер 2. Милая! Но все-таки когда состоялось обручение?

Актер 1. Четырнадцатого февраля. Не в силах больше вынести того, что вы даже не знаете о моем существовании, я решила так или иначе уладить этот вопрос и после долгих колебаний обручилась с вами под этим старым милым деревом. На другой день я купила вот это колечко, ваш подарок, и этот браслет с узлом верности и дала обещание не снимать их.

Актер 2. Так, значит, это мои подарки? А ведь недурны, правда?

Актер 1. Да, у вас очень хороший вкус, Эрнест. За это я вам всегда прощала ваш беспутный образ жизни. А вот шкатулка, в которой я храню ваши милые письма. *(Нагибается за шкатулкой, открывает ее и достает пачку писем, перевязанных голубой ленточкой.)*

Актер 2. Мои письма? Но, дорогая моя Сесили, я никогда не писал вам писем.

Актер 1. Не надо напоминать мне об этом. Я слишком хорошо помню, что мне пришлось писать ваши письма за вас. Я писала их три раза в неделю, а иногда и чаще.

Актер 2. Позвольте мне прочитать их, Сесили.

Актер 1. Ни в коем случае. Вы слишком возгордились бы. *(Убирает шкатулку.)* Три письма, которые вы написали мне после нашего разрыва, так хороши и в них так много орфографических ошибок, что я до сих пор не могу удержаться от слез, когда перечитываю их.

Актер 2. Но разве наша помолвка расстроилась?

Актер 1. Ну конечно. Двадцать второго марта. Вот, можете посмотреть дневник. *(Показывает дневник.)* «Сегодня я расторгла нашу помолвку с Эрнестом. Чувствую, что так будет лучше. Погода по-прежнему чудесная».

Актер 2. Но почему, почему вы решились на это? Что я сделал? Я ничего такого не сделал, Сесили! Меня в самом деле очень огорчает то, что вы расторгли нашу помолвку. Да еще в такую чудесную погоду.

Актер 1. Какая же это по-настоящему прочная помолвка, если ее не расторгнуть хоть раз. Но я простила вас на той же неделе.

Актер 2 *(подходя к актеру 1 и становясь на колени).* Вы ангел, Сесили! Нет никого лучше... хромоножки.

Актер 1. Мой милый сумасброд!

Актер 1 целует актера 2, ерошит его волосы.

Надеюсь, волосы у вас выются сами?

Актер 2. Да, дорогая, с небольшой помощью парикмахера.

Актер 1. Я так рада.

Актер 2. Больше вы никогда не расторгнете нашей помолвки, Сесили?

Актер 1. Мне кажется, что теперь, когда я вас узнала, я этого не смогла бы. А к тому же ваше имя...

Актер 2 (нервно). Да, конечно.

Актер 1. Не смейтесь надо мной, милый, но моей девической мечтой всегда было выйти за человека, которого зовут Эрнест.

Актер 2. Ты мне — желанная могила, твои уста мне — погребальные колокола, твой голос — похоронный звон, твоя грудь — могильный холм, и сердце твое — мой гроб.

Актер 1. Это моя роль, это мои слова.

Актер 2. А грудь чья?

Актер 1. Ты спутал мне все карты.

Солженицын. Извините, что вмешиваюсь в вашу репетицию. Но ваша игра никуда не годится, вы играете с таким пафосом, как будто на сцене идет пьеса о Ленине и Крупской.

Актер 1. Рамсы попутал?

Солженицын. Я тоже хотел стать актером, поступал в театральную студию. Но сразу попал в ГУЛАГ.

Актер 2. Оригинальное название для театра.

Солженицын. А Ленин не участвует в вашем спектакле?

Актер 1. Не знаем. Наше дело маленькое — произнести роль как написано.

Солженицын. Так вы распознatok Ленина?

Актер 1 (пафосно). Я буду нем, как рыба.

Солженицын (2-му актеру). Но может быть знаете, где он?

Актер 2. Не бачу.

Солженицын. Не верю.

Актер 1. Зайдите в соседнюю комнату к Ульяновым, может они подскажут, где Ленин.

Ленинская комната.

Темное помещение с низеньким потолком, поднятая вверх рука касается потолка; комнатка — три метра в ширину, почти четыре — пять метров в длину, направо у двери железная печка с трубой, тянущейся по всей комнате. Около окна в деревянной обшивке стены комод. Широкая кровать, стол. Все завалено книгами, газетами, исписанными бумагами. За столом сидит Ленин. Входит запыхавшийся Солженицын.

Солженицын. Александр Исаевич Солженицын.

Н. К — ов. Владимир Ильич Ульянов. Вы, я вижу, устали?

Солженицын. Да, высоко подниматься — третий этаж.

Н. Это второй этаж.

Солженицын. Нет, третий.

Russischer Kommunist. Впрочем, давайте-ка выпьем чаю и продолжим наш спор. *(Кричит.)*

Наденька, пару чая.

Солженицын. Да уж, пободаемся.

В. И — ин. Так зачем же вы поднимались на второй этаж?

Солженицын. Безмешкотно нужно найти Ленина, а он живет на третьем этаже. Всю квартиру обшмонал — нигде нет.

Наблюдатель. Зачем вам Ленин, да еще срочно?

Солженицын. Я пишу книгу «Ленин в Цюрихе».

Входит Крупская с подносом.

К. П. Вот как! И как же вы ее пишете?

Солженицын. Собираюсь ходить по ленинским местам, заходить в библиотеки, где Ильич занимается, в трактирчики, где тот сживает, прохаживаться по Шпигельгассе, изучать вероятные маршруты подпольщика... Портреты Ленина повесил, чтоб обозримее видеть сразу все при работе, схватывать нужные черты...

Крупская. Wl. U., Это шпик.

A. Linitsch Un communiste Russe. Наденька, погоди. У нас гость из... *(Солженицыну.)* Позвольте полюбопытствовать, вы откуда прибыли?

Солженицын. Из СССР.

W. Как вы сказали? Откуда?!

Солженицын. Да-да. Из Союза Советских Социалистических республик.

Крупская. Откуда?!

Солженицын. Из Советской России.

К. С — ий. В России была революция?!

Солженицын. Целых две. Так сказать, «Красное колесо» прокатилось.

В. И. Доедет ли это колесо до Казани?

Солженицын. Вы о чем?

Якоб Рихтер д-р прав. Простите, что-то классикой навеяло... Как же поздно мы здесь, на Западе, получаем сведения от матушки-Руси. Давно выехали из России? Трудно было перебираться через фронт?

Солженицын. Доктор! Вылетели 14 февраля 1974 года из Москвы. Никакого фронта нет.

Крупская (Ленину). Это сумасшедший. *(Солженицыну.)* В Цюрихе есть отличная клиника «Бургхельцли».

Солженицын. Да-да. Мне уже совмётывали.

V. L. Погоди, Наденька, записывать Алекандра Исаевича в сумасшедшие... Я понял! Представь себе, что в России построен социализм. Наука и техника достигли невиданных высот. Советские ученые изобрели машину времени и переправили этого человека из Москвы 1974 к нам в Цюрих 1916.

Солженицын. Да-да — надо выключиться из современности, одно спасение, иначе ни я и никто уже этого повествования не напишет... И, да, вам обязательно надо обустроить свою комнату: передвинуть шкаф, переставить стол. И шконку.

Старик и К°. Переставить кровать? Интересная мысль. Как считаешь, Наденька?

Крупская. Он, точно, провокатор.

Солженицын. Господа, таки вы не знаете, где же сейчас может быть Ленин? *(Заглядывает в шкаф, под стол, под кровать.)*

Крупская (хитро). Ленин сейчас, скорее всего, в библиотеке. Он так мне сказал.

Солженицын. В какой библиотеке? Вот вы притулились здесь в вонючем углу, а Ленин, в это время, из ресторанов и кабаре не вылезает, деньги Германского Генштаба прожигает.

Иван Иванович. Тогда, попробуйте сходить в кабаре «Вольтер».

Кабаре Вольтер

Кабаре «Вольтер». Смесь «бога и борделя». Суэта перед представлением. Полный зал. По стенам развешаны картины ван Риса, Арпа, Пикассо, Эггелинга и др. Появляется депутация восточного типа из четырех человечков с папками и картинами под мышкой.

Янко. Разрешите представиться, Марсель Янко, Архангел!

Балль. Очень приятно! Хуго Балль, дезертир. А вы, действительно, Архангел?

Янко. Эта моя картина так называется. А вы, действительно, дезертир?

Тцара. Разрешите представиться, Тристан Тцара!

Балль. Очень приятно! Хуго Балль.

Янко. Разрешите представиться, Георг Янко!

Балль. Очень приятно! Хуго Балль.

Балль. С живописью все отлично!

Хеннингс. Только полотно Шишкина с коровами не хватает.

Янко. Господин Шишкин не смог прийти. Он просил передать: «Цюрих проклятый... От моих рисунков здесь просто рот раззевают, да немного того и от моих этюдов. Говорят, что мало бывало здесь художников таких. Конечно, ты не верь этому, это фразы и фразы. А я все-таки очень боюсь показаться в Питере, так мало успел и мало сделал. За коров и овец я принялся прилежно, по вечерам я нарисовал уже более 15 штук...».

Балль. Все, вроде, готово. Благословясь, начнем наше суаре.

Крупская (*читает по тому энциклопедии*). Практически с самого начала проявилось такое свойство представлений, как комбинированные номера: декламация стихов и прозы сочеталась с музыкой и танцами... в «Кабаре Вольтер» строились совсем по-другому: в центре оказывалась импровизация, спонтанное (иногда с элементами предварительных заготовок) выступление, точнее, сотворение «целостного произведения искусства», которое складывалось из слов, музыки, танца, графического оформления зала, декораций, костюмов и т.д. и существовало только то короткое время, когда оно воплощалось не на одной только сцене, а в замкнутом пространстве кабаре.

Балль. Танцовщицы, пошевеливайтесь! Музыканты на сцену!

Крупская. Мелодию Марка Минкова «Деревянные лошадки» исполнит оркестр русских народных инструментов под управлением Петрова. Солисты: Кубышкин и Ленивцын. Музыканты: Иванов, Ивановский, Ильины, И-чин-ли, Карпов, Константинов, Осипов, Пирючев, Силин, Тулин, Тяпкин-Ляпкин, Чхеидзе.

Выходит оркестр с балалайками, баяном и прочими русским народными инструментами, а также африканскими барабанами. Петров и некоторые музыканты в африканских масках. Звучит немного грустная мелодия «Деревянные лошадки».

Балль. Наш спектакль, представление, концерт, дивертисмент, действие, акцию, перформанс и еще черт-те что, а короче — сюрное суаре, доверено вести нам: Надежде Константиновне Крупской, члену РСДРП(б) с 1898 года.

Крупская. И Хуго Баллю, основавшему кабаре «Вольтер» в 1916 году, который и огласит нам свой манифест-дадафест. [ада-манифест](#)

Балль.

Дада — новое направление в искусстве. Об этом говорит уже то, что до сих пор никто ничего о нем не знал, а завтра о нем заговорит весь Цюрих. Слово «Дада» взято из словаря. Все ужасно просто. По-французски оно означает: конек, любимое занятие. По-немецки: адье, прощай, будь добр, слазь с моей шеи, до свидания, до скорого!

По-румынски: да, верно, вы правы, это так, конечно, действительно, так и порешим. И так далее.

Интернациональное слово. Только слово. Слово как движение.

Все просто до ужаса. Создать из этого направление в искусстве — значит предвосхитить многие затруднения. Дада-психология, Дада-Германия со всеми ее несварениями и конвульсиями туманов, Дада-литература, Дада-буржуазия, и вы, уважаемые поэты, творившие при помощи слов, но никогда не творившие само слово, ходившие вокруг да около голой сути, — вы тоже Дада. Дада-мировая война и ее нескончаемость, Дада-революция и ее задержка. И вы, друзья, и вы, горе-поэты, вы, дражайшие мануфактуристы и евангелисты, — вы тоже Дада.

Дада-Тцара, Дада-Хюльзенбек, Дада м`дада, Дада м`дада, Дада мхм', Дада Деро Дада Дада-Хю, Дада-Тца.

Как достигают вечного блаженства? Произнося: Дада.
Как становятся знаменитым? Произнося: Дада.
С благородным жестом и изящными манерами.
До умопомрачения, до бессознательности.
Как сбросить с себя все змеиное, склизкое, все рутинное, борзописское?
Все нарядное и приглядное, все примерное и манерное, благоверное, изуверное?
Произнося: Дада. Дада — это душа мира. Дада — это гвоздь сезона. Дада — это лучшее цветочное мыло в мире. Дада-господин Рубинер, Дада-господин Корроди, Дада-господин Анастасиус Либлиенштайн.
По-немецки это значит: больше всего ценить гостеприимство Швейцарии; а в смысле эстетическом все зависит от качества.
Читаю стихи, которые ставят перед собой целью ни много ни мало как отказ от языка.
Дада-Иоганн Фуксганг Гете. Дада-Стендаль. Дада-Будда.
Далай Лама, Дада м' Дада, Дада м' Дада, Дада мхм' Дада.
Все дело в связях, в том, чтоб их вначале слегка нарушить.
Не хочу слов, изобретенных другими. Все слова изобретены другими.
Хочу совершать собственные безумства, следовать своему ритму, иметь соответствующие ему свои гласные и согласные.
Если замаха мой на семь аршин, мне, следовательно нужны слова длиною в семь аршин, слова же господина Шульце не больше двух с половиной сантиметров.
Наконец-то можно стать свидетелем возникновения членораздельной речи.
Я заставляю гласные кувыряться, просто произвожу звуки, как если бы мяукала кошка. Всплывают слова, плечи слов, ноги, руки, ладони слов. Ау, ой, у...
Не обязательно произносить много слов. Стих — это повод обойтись по возможности без слов и языка. Этого проклятого языка, липкого, как грязные руки маклеров, от прикосновений которых стираются монеты. Хочу владеть словом в тот момент, когда оно заканчивается и когда оно начинается.
У каждого дела свое слово, но само слово стало делом. Почему нам не отыскать его?
Почему дерево не могло бы называться плюплюшем или плюплюбашем, после того как выпал дождь? Слово, слово, слово — вне вашей сферы, вашего спертого воздуха, вне этой смехотворной импотенции, этого поразительного самодовольства, вне ваших наветов, вашей очевидной ограниченности!
Слово, господа, слово, — общественная проблема первостепенной важности.

Колбасник. Вот вы собрались тут, занимаетесь не пойми чем, а сами жрете мою колбасу.

Пивовар. И пьете мое пиво. Нам такого «искусства» не надо! [Солженицын об искусстве](#)

Балль. Продолжаем наше суаре. В программе: стихи и музыка, песни и танцы народов мира, театральные постановки, лекции с мордобоем и прочая дадаистская дребедень.

На сцену выскакивает Солженицын. Он во фраке нобелевского лауреата, с иконкой на груди, но в эковских сапогах. Голос из зала: это что за клоун?

Крупская. Этот номер вне программы.

Солженицын.

Да, сегодня мировая культура, конечно, в кризисе, и глубококом. Новейшие направления в искусстве думают обскакать этот кризис на деревянной лошадке «игровых приемов»: мол, изобрести ловкие, новые, находчивые приемы — и кризиса как не бывало.

Сотрясательная революция, прежде чем взорваться на улицах, взорвалась в литературно-художественных журналах богемы. Это — там мы услышали сперва и уничтожающие проклятия всему прошлому российскому и европейскому бытию, и отменение всяких нравственных законов и религий, призывы к сметению, низвержению, растоптанию всей предыдущей традиционной культуры, при самовосхвалении отчаянных новаторов, так и не успевших, однако, создать что-либо достойное.

Для постмодерниста мир — не содержит реальных ценностей. Даже есть выражение «мир как текст» — как вторичное, как текст произведения, создаваемого автором, и

наибольший интерес — это сам автор в соотношении со своим произведением, его рефлексия. Культура должна замкнуться сама на себя (оттого эти произведения переполнены реминисценциями, и до безвкусыя), и только она и есть стоящая реальность. Оттого повышенное значение приобретает игра — но не моцартианская игра радостно-переполненной Вселенной — а натужная игра на струнах пустотах, и у художника нет ответственности ни перед кем в этих играх. Отказ от каких-либо идеалов рассматривается как доблесть.

Мы — все мы, все цивилизованное человечество, — посаженные на одну и ту же жестко связанную карусель, совершили долгий орбитальный путь. Как детишкам на карусельных конях, он казался нам нескончаемым — и все вперед, все вперед, нисколько не вбок, не вкривь. Этот орбитальный путь был:

Возрождение — Реформация — Просвещение — физические кровопролитные революции — демократические общества — социалистические попытки.

Солженицын возвращается за столик, за которым сидит Иван Иванович.

Иван Иванович. Александр Исаевич, дорогой, как же я ошибался в вас, не разглядел ваш ум и не понял вашу душу. Вы, безусловно настоящий враг дадаизма. Прошу вас простить меня за то маленькое недоразумение, случившееся между нами 14 февраля. И теперь, благодаря вам, я знаю, что Балль — не Бёлль.

Солженицын. Полноте. Я всегда чувствовал, что в вас, Иван Иванович, есть какой-то крепкий стержень.

Крупская. А где же господин Балль, где наш преподобный Хуго?

Выносят Балля.

Ноги его стоят в круглой и тесной колонне из блестящего голубого картона. Выше — огромная, вырезанную из картона накидка-воротник, изнутри оклеенную алым, а снаружи золотым. На шее этот воротник скреплен так, чтобы он мог двигаться подобно крыльям, когда Балль поднимает или опускает локти. И к этому — цилиндрический, высокий шаманский колпак в бело-синюю полоску.

Голос из зала: Вот как одеваются порядочные люди, а не эти, с позволения сказать, солженицыны.

Тцара.

Карусель, карусель начинает рассказ.
Это сказки, песни и веселье!
Карусель, карусель — это радость для нас,
Прокатись на нашей карусели!

Балль (*читает с пюпитра*).

Ляляля ляляля
ляляля ляляля
ляляляляляляляляля ля!
Ляляля ляляля
ляляля ляляля
ляляляляляляляляля ля!

Крупская. И какой же дадаист не любит быстрой езды? Птица-троица, как сказал товарищ Ганс Арп.

Балль. И, как восклицал Виктор Гюго:

Par Saint-Gille, | Без дороги
Viens-nous-en, | Мчи стрелой,

Крупская. Музыка Клода Дебюсси, стихи Поля Верлена в переводе Александра Ревича, «Деревянные кони» из цикла «Брюссель».

Tournez, tournez, bons chevaux de bois,
Tournez cent tours, tournez mille tours,
Tournez souvent et tournez toujours,
Tournez, tournez au son des hautbois.

Le gros soldat, la plus grosse bonne
Sont sur vos dos comme dans leur chambre,
Car en ce jour au bois de la Cambre
Les maîtres sont tous deux en personne.

Tournez, tournez, chevaux de leur cœur,
Tandis qu'autour de tous vos tournois
Clignote l'oeil du filou sournois,
Tournez au son du piston vainqueur.

C'est ravissant comme ça vous soûle
D'aller ainsi dans ce cirque bête:
Bien dans le ventre et mal dans la tête,
Du mal en masse et du bien en foule,

Tournez, tournez sans qu'il soit besoin
D'user jamais de nuis éperons
Pour commander à vos galops ronds,
Tournez, tournez, sans espoir de foin

Et dépêchez, chevaux de leur âme
Déjà voici que la nuit qui tombe
Va réunir pigeon et colombe
Loin de la foire et loin de madame.

Tournez, tournez! le ciel en velours
D'astres en or se vêt lentement.
Voici partir l'amante et l'amant.
Tournez au son joyeux des tambours!

По кругу, быстрее, деревянные кони,
По кругу, быстрее и быстрее друг за другом,
Без отдыха круг пролетая за кругом
Под звуки трубы в бесконечной погоне!

Толстуха служанка и ражий солдат,
Как дома, сидят, взгромоздившись на вас,
Поскольку хозяин с хозяйкой сейчас
Уехали за город на променад.

Отрада сердец, деревянные кони,
По кругу, быстрее, под прищуренным взглядом
Плута продувного, стоящего рядом,
Летите под звуки рожков и гармонии.

Как дивно, что пьяны и вы без вина,
Что кругом дурацкий плывет балаган:
Блаженство в крови, а в сознание дурман,
Душа вместе с этой толпой пьяна.

По кругу, по кругу, вперед неизменно!
Без отдыха тур проносите за туром!
Вы мчитесь стремительным плавным аллюром,
Не требуя шпор, не надеясь на сено.

Скорей, мои кони, утеха души!
Спускается ночь и зовет голубка
С голубкой в объятия пуховика,
Подальше от шума укрыться в тиши.

Под небом, как бархатный плащ златотканый,
Под звездными блестками мчитесь по кругу.
Дружок втихомолку уводит подругу.
По кругу! Быстрее, под раскат барабанный!

Балль. По кругу! Быстрее, под раскат барабанный!

Солженицын. Вы Ленина тут не видели?

Иван Иванович. Нет.

Солженицын. Под столиком смотрели?

Иван Иванович. Конечно, я же профессионал... Любой разведчик обратил бы внимание на замечательное сходство Ленина с Сократом. Надо сказать, впрочем, что еще больше, чем на Сократа, похож Ленин на Верлена. В то время карьеровский портрет Верлена в гравюре вышел только что, и тогда же был выставлен известный бюст Верлена, купленный потом в Женевский музей.

Солженицын. Вот эти большевики, даже поэта нормального выбрать не могли.

Иван Иванович. В смысле?

Солженицын. Верлен — ВЕРный ЛЕНинец. Тьфу на них.

Крупская. Ах, Верлен!

Хюльзенбек.

Твоя нога висит по мне как серп луны

ясно совсем: вздымаясь дышат груди
твои два юных зверя
позади же брЮссельские лучшие вершины...

Адмирал. На Верден!

Солженицын. Война до победного конца!

Иван Иванович. Господин Солженицын! Александр Исаевич, Вы — истинный патриот России, националист в цивилизованном смысле этого слова.

Балль. Испытываю жгучее желание бить в барррррррабан. Непрерывно барррррррабанить. Это желание барррррррабанить не идет из головы. Наймите меня барррррррабанщиком. Я буду замечательно барррррррабанить. Так, что полопаются барррррррабанные перрррррепонки. Буду барррррррабанить так, что уррррррраганный огонь по сравнению с моей барррррррабанной дрррррробью покажется вялой перестрелкой.

Хюльзенбек. Надо усилить ритм, ввести негритянский ритм. Больше всего мне хотелось бы убарабанить литературу, сравнив ее с землей.

Крупская. Эрих Мюзам «Р-р-революционер», перевод Самуила Маршака.

Балль. Под музыку Сен-Санса «Танец смерти» в сопровождении хора революционеров. Хормейстер — Petroff.

Германской социал-демократии

Он мирно чистил фонари,
Но записался в бунтари
И вдоль по улице под флагом
Шагал р-р-революционным шагом.

Кричал он громко: «Я бунтую!»,
А шапочку носил такую,
Что говорила напрямик:
Мой обладатель — бунтовщик!

Но люди с флагами шагали,
Заняв всю улицу в квартале,
Где он обычно до зари
Усердно чистил фонари.

Когда ж рабочие отряды
Решили строить баррикады
И принялись под треск пальбы
Валить фонарные столбы,

Он возмутился: «Что такое?
Столбы оставьте вы в покое!
Зачем валить их, дикари?
Я чищу эти фонари!».

В ответ раздался дружный хохот,
Потом донесся звон и грохот.
И вот защитник фонарей
Домой убрался поскорей.

И, безотлучно сидя дома,
Он написал два толстых тома:
«Как записаться в бунтари
И мирно чистить фонари».

Солженицын. Танец смерти в сопровождении хора революционеров, — очень символично. Надо записать.

Иван Иванович. Огласите весь список р-р-революционеров, пожалуйста.

Балль. А куда делась товарищ Крупская, где наша бесподобная Надежда? (*Выносят Крупскую в виде обелиска, одетую, как Балль.*) Гимн Лабады облакам. С этим родом звуковых стихотворений мы вообще отказываемся от языка журналов, испорченных журналистами. Мы уходим в сокровенную алхимию слова, так мы отрекаемся от слова и сохраняли для поэзии ее последний священный уголок.

Крупская (*читает с пюпитра*).

Эломен эломен лефиталоминаль
Вольминускайо
Баумбала бунга
Ацикам гластула файрофим флинси
Эломинускула плюплюбаш
Раллалалайо
Эндремин закасса флумен флоболлала
Файлобаш фальяда фоллиди
Флюмбаш
Церобададрада
Граглюда глиглода глодаш
Глюгламен глаглада глерода glandриди
Эломен эломен лефиталоминай
Вольминускайо
Баумбала бунга
Ацикам гластала файрофим блисти
Еломинускула плюплюш
раллабатайо

Голоса: что за чушь, даешь Державина и пр.

Солженицын. А мне, пожалуй, нравится. Облака плывут, облака, / Не спеша плывут как в кино.

Иван Иванович. А я цыпленка ем табака, / Я коньячку принял полкило.

Мирянин. КВВК?

Солженицын. Не откажусь.

Крупская. С лимончиком.

Тцара. Кабаре Вольтер — Вольтер Кабаре.

Балль. Кабаре — это самозащита, кабаре — это мини-отпор. Кабаре плодоносит в дурные времена, которым, однако же, не разрешают стать совсем уж дурными.

Читатель (*Солженицыну*). Предлагаю тост! За наше случайное знакомство!

Балль. Реферат-дадарат. Партийная организация и партийная литература.

Н. Л — ь.

Господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах

Крики. Требуем порнографии в рамках, без рамок, вне рамок!

проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная

свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу. Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих).

За работу же, товарищи! Перед нами трудная и новая, но великая и благодарная задача — организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим рабочим движением. Вся социал-демократическая литература должна стать партийной. Все газеты, журналы, издательства и т. д. Должны приняться немедленно за реорганизационную работу, за подготовку такого положения, чтобы они входили целиком на тех или иных началах в те или иные партийные организации. Только тогда «социал-демократическая» литература станет таковой на самом деле, только тогда она сумеет выполнить свой долг, только тогда она сумеет и в рамках буржуазного общества вырваться из рабства у буржуазии и слиться с движением действительно передового и до конца революционного класса.

*В. спускается со сцены, садится за столик,
за которым находятся дадаисты, Солженицын и др.*

Солженицын. Какой примитивный язык.

Иван Иванович. Какая убогость мысли.

Тцара. Господин В. Ф., разрешите представиться, Тцара.

Н — ков. Царь?! А знаете ли, батенька, что скоро никаких царей не будет? Прогоним всех царей к чертовой матери!

Тцара. Я не совсем Царь, я Тцара.

К. Т — н (*пристально смотрит на Тцара*). Вот оно что. Надеюсь, не тот, который дадаист?

Тцара. О нет, это мой младший брат, Тристан.

Б. Г. Ужасная история! Такое горе для семьи! А вы, простите, откуда?

Тцара. Из Румынии.

Н. Л — н. Румын?

Тцара. Не совсем.

Д. Да, впрочем, какая разница. Вот я был в свое время болгаринот Йорданом Йордановым.

Янко. Дада — интернационален. Все люди — братья.

Иван Иванович. А вы знаете, что Ленин куплен немцами?

Тцара. Вас водят за нос.

Иван Иванович. Мне поручено следить за Лениным с 1914 года, когда он был еще в Дрездене. Помню, как он долго стоял в Дрезденской галерее перед Сикстинской мадонной.

Солженицын. Нынче никто, никто уж Мадонной не восхищается и не теряет на это времени, кроме закоренелых стариков Это доказано.

Крупская. В Дрездене есть еще Мадонна господина Мейера.

Балль. Дрезден был тогда вообще очень оживленным. Я в ту же поездку посмотрел там коллективную выставку: Пикассо и первые картины футуристов. Там были: «Погребение анархиста Галли» Карра; «Революция» Руссоло; «Танец Пан Пан в Монико» Северини и «Власть улицы» Боччони.

Солженицын. Однажды приснилось мне, что я подхожу к маленькому фонтану и понимаю: если приблизить губы к его струе и шептать — то по струе передастся как по телефону, и кто-то другой в далеком фонтане все услышит.

Иван Иванович. Большевиков надо мочить в сортире.

Тцара. Есть Ленин — есть Дада, нет Ленина — нет Дада.

Балль. Неотразимая госпожа Медведева — Ленин. Да-да!

«Капиталисты Англии, Америки, Франции ведут войну против России...»

Ленин.

В швейцарском городе Цюрихе жил Владимир Ильич Ленин.
Маялся среди заснеженной кукольной декорации,
Играл на бильярде в новом кабаре «Вольтер»,
Слушал как сумасшедший румын кричал, будто по рации:

«Да-да! Да-да! Да-да! Е-е-е!
Да-да! Да-да! Да-да! Е-е-е!»

Тяжелый поезд мчался на север в страшную страну Россию
На верхней полке Владимир Ленин писал апрельские тезисы
А ложечка в стакане, оставленная Инессой ранее,
Звякала, вторя колесам и ее грустным словам:

«Да-да! Да-да! Да-да! Е-е-е!
Да-да! Да-да! Да-да! Е-е-е!»

Вокзал финляндский бурлил народом - хоть и пасхальный был понедельник
Играл оркестр Марсельезу, не выучив еще Интернационал
И выйдя на перрон из вагона, В. Ленин обомлел от рева,
Услышав, как ошалевшие матросы вопили на весь Балтийский флот:

«Да-да! Да-да! Да-да! Ураа!
Да-да! Да-да! Да-да! Ураа!»

А кайзеровские миллионы унесла в чемодане Инесса..
Ведь если бы они были, разве был бы тяжелым восемнадцатый год?
И когда ты едешь в Парголово не забудь улыбнуться броневнику
И кепке Владимира Ленина.
Может дал ее молодой твой дед...

Да-да! Да-да! Да-да! Е-е-е!
Да-да! Да-да! Да-да! Е-е-е!
Да-да! Да-да! Да-да! Е-е-е!
Да-да! Да-да! Да-да! Е-е-е!

Солженицын. Ловите Ленина!

Иван Иванович (*по рации*). Сейчас выслать пять мотоциклетов с пулеметами, Ленина ловить.

Тцара. Следует кричать: «Дада!» А то он уйдет. А ну, давайте вместе! Разом!

Солженицын. Дада!

Г. Пр. Чего орете? Ночь на дворе. Ленин, наверное, пошел в библиотеку.

Центральная кантональная библиотека Цюриха

*Пустынная и мрачная ночная Шпигельгассе.
По улице идет Ленин, навстречу ему — Солженицын с мешком.*

Солженицын. Папаша, огоньку не найдется?

Ст. А-а-а.

Солженицын. Ты что, глухонемой, что ли?

С.... Да, я швед, Oulianoff моя фамилия.

Солженицын. Понятно. Тут перепутка вышла, я не то хотел спросить. Как пройти в библиотеку?

К-в. Имени Ленина?

Солженицын. В Центральную кантональную библиотеку Цюриха, болван.

Джон Фрей. В 3 часа ночи?! Идиот.

Солженицын. Дада прекрасен, как ночь, баюкающая в своих объятиях новый день.

NN (*отодвигаясь от Солженицына*). Я не по этой части, майн хер.

Солженицын. Тут дело государственной важности.

Ф. Государство «отмирает», а точнее, «засыпает».

Солженицын. Вот-вот, а мне надо предупредить, пока оно еще не умерло.

Ильич. А что, собственно, случилось, товарищ?

Солженицын. Мне надо Ленина прищупать.

В. Ильин. Так вам надо в «Кабаре Вольтер».

Солженицын. Я только что оттуда. Нету там Ленина... Упустил...

Ленин. Ленина, уважаемый, надо научиться видеть в каждом встречном. Что собираетесь делать?

Солженицын. Бежать в библиотеку.

В. Ил. Какое совпадение, я тоже только что из «Кабаре Вольтер» и тоже иду в библиотеку. Побежим вместе, покажу, дорогу.

Солженицын. Вы литератор?

В. Фр. Можно и так сказать. Позвольте представиться, И.

Солженицын. Хороший псевдоним для литератора. Легко запомнить. Простите, что сразу не рекомендовался — Солженицын Александр Исаевич.

Б. К. Подпольщик?

Солженицын. Почему подпольщик?

N. Lenins. В три часа ночи ищите библиотеку, во-первых. Вам нужен Ленин, это, во-вторых. И, наконец, в-третьих, одеты в телогрейку и сапоги.

Солженицын. А ведь верно, пожалуй, что и подпольщик. В изгнании.

Б. Б. А вот и библиотека.

У библиотечной кафедры огромная очередь. Авторы, от древних греков до наших дней, отталкивают друг друга, скандалят, лупят друг друга книгами.

Солженицын. Что дают?

Н. К — вь. Кто крайний?

Солженицын. Пропустите жертву политических репрессий без очереди.

Александр Пушкин. Не положено.

Солженицын. Я лауреат Нобелевской премии.

Лев Толстой. Кто лауреат?

Солженицын. Я лауреат!

Федор Достоевский. Может у вас и значок лауреатский есть?

Солженицын. Может и есть.

Джеймс Джойс. Лауреаты по ночам дома спят, а не по библиотекам шляются.

Разговоры в очереди.

Иисус Христос. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

Дионисий Ареопагит. Д.А. — Д.А.

Пол Маккартни. Об-ла-ди об-ла-да. Об-ла-ди бла-да.

Владимир Маяковский. По-прежнему при всем при этом имеется последний крик. Сейчас эти обязанности несет всеотрицающее и всеутверждающее «да-да».

Хуго Балль. Это я придумал «Дада», когда ел суп.

Триста Тцара. Найн, срын, это я изобрел «Дада», танцуя в женском платье.

Рихард Хюльзенбек. Пришибю, это я наугад нашел слово «Дада» в словаре.

Дариус Мило. Меня в детстве звали Дада. Я первый сплюнул эти четыре буквы.

Йоханнес Баадер. Ленин придумал «Дада». И точка!

Гаучо Маркс. Неважно, что это и кто это начал, я против!

Доминик Ногес. Ленин писал стихи вместо Тцара.

Правдист. Да! Да!

Вольтер. Да, да, без дьявола под кожей нельзя быть ни поэтом, ни актером.

Шарль Бодлер. Вольтер, или Антипоэт, король ротозеев, принц верхоглядов, антихудожник, проповедник для привратников, папаша Жигонь редакторов «Века».

Лев Троцкий. Нормальная голова образованного филистера есть сорный ящик, куда история попутно сбрасывает шелуху и скорлупу своих разновременных достижений: тут и апокалипсис, и Вольтер, и Дарвин, и псалтырь, и сравнительная филология, и дважды два, и стеариновая свечка... В будущем театр может быть выйдет из четырех стен, растворится в массовой жизни...

Вольтер. Разружьте здание обмана! Раздавите гадину!

Пол Маккартни. Хоп, хоп! Хей, хоп!

Антонен Арто. Театр спасти труднее, чем что бы то ни было в этом мире.

К. Т — н. Все театры советую положить в гроб.

Филиппо Маринетти. Поджигайте же полки библиотек! Отводите каналы, чтобы затопить погреба музеев.

Грейл Маркус. В самом маловероятном месте, в самое неподходящее время произойти может все, что угодно.

Том Стопшард. Stop Art!

Петер Вайс. Почтенные зрители, теперь вы видите сами, что значит толпа: просто хам на хаме.

Анри Бретон. Занавес! Занавес!

Подходит очередь Ленина и Солженицына.

Т — ин. У вас есть путеводитель по Цюриху?

Библиотекарь. Нет, у нас есть только путеводитель по Дада и свежая карта Дадалэнда.

ь. Так. Мне три двойных путеводителя с добавлением, одну крупномасштабную карту, № 108 газеты «Bernener Tagwacht» за 1916 год и ножницы поострее.

Библиотекарь. Ножницы, как всегда, для груминга? Выбрали, что вырезать будете?

Б. Да. Статью К.Б. Радека «Ein ausgespiel des Lied».

Библиотекарь. О, месье знает толк в спетых песнях.

ergisch, dämonisch) / (шум пропеллера, постепенно нарастающий, тремоландо, достигающий изрядной силы, энергичный, демонический)

Ankunft / Прибытие: *Zischen, Zerplatzen, Bündel von Licht in Geräuschen) / (шипение, звук лопающихся предметов, пучок света в шумах)*

Lichtapparat / Светоносный аппарат: *flutet weiß weiß weiß weiß weiß / струится светлым-светло светлым-светло светло.*

Fallen aller Mitwirkenden / Падение всех участников спектакля: *erst auf die Ellbogen, dann auf die Fäuste. So, daß zwei Geräusche entstehen, die zusammenhängen. / Сначала на локти, затем на кулаки. Так, что возникают два взаимосвязанных шума.*

Plötzliche Stille / неожиданная тишина: —————
—————

IV.

Die Verkündigung / Благовестие

Geräusch der Litanei / Шум литании: *do da do da do da do da dorum darum dorum do da do, dorum darum, dorum, darum, do da do, do, dooooo.*

Tutti / Все: *Muhen, Iäen, Ketten, Schalmeien, Gebet, Stern, Schaf, Wind. / Мычание, ослиные иа, цепи, звуки свирей-лей, молитва, звезда, овца, ветер.*

Stilisiertes lachen / Стилизованный смех: *Ha ha. haha. haha. haha. haha. haha. haha. haha. Steigerung bis zu höchstem Lärm. Tanz nach gepfiffener Melodie / Нагнетание до предельного шума. Танец под насвистываемую мелодию.*

Der Engel / Ангел: *(Dorim darum dorum darum, dorum darum, dododododo-dododododooooo (das Ende des »doooooooo« sehr schmerzlich und bedauernd) / (концовка »doooooooo« с сильной болью и сожалением)*

V.

Die heiligen drei Könige / Три святых царя

Der Stern / Звезда: *Zcke zcke ptsch, zcke zcke zcke zcke zcke ptsch! zcke zcke ptsch! ptschptschptschptsch. zcke zcke ptsch ptch ptsch.*

Die Karawane der drei Könige / Караван трех волхвов: *Puhrrrrrr puhrrrrr (Schnauben der Pferde., Trampeln der Kamele) / (лошадиный храп, монот верблюдов).*

Die drei Könige / Три царя: *rabata, rabata, bim bam, rabta rabata, bim bam ba, rabata rabata rabta, rabata bim bam. bim bam. bim bam.*

Glöckchen der Elefanten / колокольчики слонов: *Bim bim bim bim bim bim bim bim bim Flöten / Флейты*

Trompete / Труба: *Tataaaaaaa! tataaaaaaa!*

Schnauben der Pferde / Лошадиный храп: *Puhrrrrrr, puhrrrrrrrr, puhrrrrrrrr.*

Wiehern der Pferde / Лошадиное ржание: *Wihihihihih, Wihihihihli, Wihihihlih.*

Klappen der Kamele / Испражнение верблюдов: *Klatschen der Hände mit sehr hohler Fläche / Хлопки руками при чашевидном сложении пальцев и ладоней.*

Der Stern / Звезда: *Zcke zcke zcke ptsch!*

VI.

Ankunft am Stalle / Прибытие к хлеву

Eine Kerze leuchtet auf. (Der Saal war vorher verdunkelt. Man sieht jetzt die Orchestermitglieder. Sie haben schwarze Tücher umgeschlungen, so daß ihre Gestalt verschwindet. Sie sitzen außerdem mit dem Rücken gegen das Publikum) / Загорается одна свеча. (Зал прежде был затемнен. Теперь видны оркестранты. Они закутаны в черные покрывала, так что очертания фигур скрыты. Более того, они сидят спиной к публике)

Josef / Иосиф: *Bonsoir, messieurs. Bonsoir, messieurs. Bonsoir messieurs.*

Esel und Öchslein / Осел и Бычок: *Ia ia ia ia ia ia ia, muh muh muh muh muh muh*

Geräusche von Kupfergeräten, Klappern von Kannen, Stoff-, Taft-Geräusche, Gläserntöne,

Am Himmel aber leuchtete der hellste Stern über dem Stalle von Bethlehem. Und siehe der Engel des Herrn machte sich auf und erschien den Hirten. Und die Klarheit des Herrn leuchtete um sie. Und sie fürchteten sich sehr. (Stern, Brausen des Engels, ganz stark, dann Cymbel. Lichtapparat und Fallen. (Janco.) Pause.

А в небе засияла светлейшая звезда над хлевом Вифлеема. И вдруг предстал пастухам Ангел Господень. И слава Господня осияла их. И убоялись страхом великим. (Звезда, гул ангела, очень сильно, затем кимвалы. Светоносный аппарат и падение. (Янко.) Пауза.

IV.

Und der Engel sprach zu ihnen: fürchtet euch nicht, denn siehe: ich verkündige euch eine große Freude, die allem Volk widerfahren wird. Denn euch ist heute der Heiland geboren, welcher ist Christus, der Herr. (Do da do des Erzengels, dann Freude tutti. Steigerung. Crescendo. Dann: do da do doooooo des Engels).

И сказал им Ангел: не бойтесь, я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям. Ибо ныне родился вам Спаситель, Который есть Христос Господь. («Do da do» Архангела, затем всеобщее ликование. Нарастание. Crescendo. Затем: «do da do doooooo» Ангела).

V.

Und die Weisen aus dem Morgenlande machten sich auf mit ihrer Karawane, mit Kamelen, Pferden und Elefanten, die reich mit Schätzen beladen waren, und der Stern führte sie. (Stern, Wiehern und Schnauben der Pferde, Gang der Elefanten, Sprechen der Könige, Trompete. (Tzara; Arp), Glöckchen. Der Stern. Alles schwellend und abschwelend)

И с востока пошли волхвы с караваном, с верблюдами, лошадьми и слонами, богато груженными сокровищами их, и вела их звезда. (Звезда, ржание и лошадиный храп, шаги слонов, разговор волхвов, труба. (Тцара; Арп), колокольчики. Звезда. Все нарастая и затихая).

VI.

Und sie fanden den Stall und Josef begrüßte sie. (Bon soir, messieurs) Rabata rabata. Muh. Bäh.) Aber Josef verstand ihre Sprache nicht. (rabata, rabata.) Tzara: o mon dieu, o mon dieu (Schlaflied Emmy, Ah eh Tzara ih oh der Könige. Dann ah eh ih verstummend. Nur noch Gesang der Maria, Laute. Schmatzen des Säuglings und Beten: ramba rambaramba.) Pause.

И нашли они хлев, и Иосиф приветствовал их. (Bon soir, messieurs) Rabata rabata. Му-у. Бе-е.) Но не ведал Иосиф их наречия. (rabata, rabata.) Тцара: o mon dieu, o mon dieu (Колыбельная Эмми, а-а э-э Тцара и-и о-о волхвов. Затем а-а э-э и-и затихая. Одно лишь пение Марии, лютня. Причмокивание младенца и молитва: ramba rambaramba.) Пауза.

VII.

Maria aber bewegte all diese Worte in ihrem Herzen. Und sie sah einen Berg und drei Kreuze aufgerichtet. Und sah ihren Sohn verspottet und mit einer Domenkrone gekrönt. Und sie kreuzigten ihn. Aber sie wußte, daß er am dritten Tage wieder auferstehen werde, verklärt. (Johlen der Menge). Rabata rabata (Janco), Tzara: Pfeifen. Ball: He hollah! Nageln. Schalk: Klappern. Arp: bäh bäh. Rabata Raba- ta, sallada. (Crescendo) Nageln und Schreien. Dann Donner. Dann Glocken.

А Мария слагала все слова сии в сердце Своем. И узрела она гору и три креста на ней. И узрела сына Своего, как терпит поношение и терном увенчан. И распяли они его. Но знала она, что в третий день воскреснет он вновь, преображенный. (Гомон толпы). Rabata rabata (Янко), Тцара: Свист. Балль: He hollah! Забивание гвоздей. Шальк: Звяканье. Арп: бе-е бе-е. Rabata Rabata, sallada. (Crescendo) Забивание гвоздей и крики. Затем гром. Затем колокола.

Крупская. Рождество-Голгофа-Пасха. И опять по кругу — Рождество.
Балль. Рождественская песенка.

На лошадках в санках едем мы зимой
И на сердце сладко по пути домой,

Колокольчик звонко под дугой звенит
И лошадка резво, быстро по полю бежит.

Рождество, Рождество, вот и Рождество
Пусть звучит благая весть
Всюду, всюду, где мы есть
Рождество, Рождество вот и Рождество
Сердце радостно поет,
Потому что Рождество.

Светлая дорога, колокол звенит
О Христе рожденном миру говорит
В небе загорелась яркая звезда
Это радость, это счастье — праздник навсегда.

Рождество, Рождество, вот и Рождество
Пусть звучит благая весть
Всюду, всюду, где мы есть
Рождество, Рождество вот и Рождество
Сердце радостно поет,
Потому что Рождество.

Крупская. Когда появился дадаизм? До Рождества Христова или после?

Балль. Дада был всегда, Дада все тот же во веки веков... Представляем пьесу начинающего, но уже настоящего русского дадаиста, желающего писать инкогнито.

Крупская. Брат моего брата. «Нечистые трагики и прокаженные драматурги. Ужасно-страшно-возмутительно-отчаянная трррагедия».

Балль. Действий много, картин еще больше. Смысла для современного зрителя нет совсем.

Крупская. Действующие лица:

Мих. Вал. Лентовский, мужчина и антрепренер.
Тарновский, раздражительный мужчина; с чертями, китами и крокодилами на «ты»; пульс 225,
температура 42,8°.
Публика, дама приятная во всех отношениях; кушает все, что подают.
Карл XII, король шведский; манеры пожарного.
Баронесса, брюнетка не без таланта; не отказывается от пустяковых ролей.
Генерал Эренсверд, ужасно крупный мужчина с голосом мастодонта.
Делагарди, обыкновенный мужчина; читает роль с развязностью... суфлера.
Стелла, сестра антрепренера.
Бурль, мужчина, вывезенный на плечах Свободина.
Ганзен.
Прочие.

Балль. Эпилог.

Крупская. Пролог?

Балль. Эпилог. Чем невероятнее, тем лучше.

*Кратер вулкана. За письменным столом, покрытым кровью, сидит Тарновский; на его плечах вместо головы череп; во рту горит сера; из ноздрей выскакивают презрительно улыбающиеся зеленые чертики. Перо макает он не в чернильницу, а в лаву, которую мешают ведьмы. Страшно. В воздухе летают бегающие по спине мурашки. В глубине сцены висят на раскаленных крючьях трясущиеся поджилки. Гром и молния. Календарь Алексея Суворина (губернского секретаря) лежит тут же и с бесстрастностью судебного пристава предсказывает столкновение Земли с Солнцем, истребление вселенной и повышение цен на аптекарские товары. Хаос, ужас, страх...
Остальное дополнит фантазия читателя.*

Тарновский (грызя перо). Что бы такое написать, черрт возьми? Никак не придумаю!

«Путешествие на Луну» уже было... «Бродяга» тоже был... *(Пьет горящую нефть.)* Надо придумать еще что-нибудь... этакое, чтоб замоскворецким купчихам три дня подряд черти снились... *(Трет себе лобную кость.)* Гм... Шевелитесь же вы, великие мозги! *(Думает; гром и молния; слышен залп из тысячи пушек, исполненных по рисунку г. Шехтеля; из щелей выползают драконы, вампиры и змеи; в кратер падает большой сундук, из которого выходит Лентовский, одетый в большую афишу.)*

Лентовский. Здорово, Тарновский!

Тарновский, ведьмы, проч *(вместе).* Здравия желаем, ваше-ство!

Лентовский. Ну что? Готова пьеса, черррт возьми? *(Машет дубинкой.)*

Тарновский. Никак нет, Михаил Валентиныч... Думаю вот, сижу и никак не придумаю. Уж слишком трудную задачу задали вы мне! Вы хотите, чтобы от моей пьесы стыла у публики кровь, чтобы в сердцах замоскворецких купчих произошло землетрясение, чтобы лампы тухли от моих монологов... Но, согласитесь, это выше сил даже такого великого драматурга, как Тарновский! *(Похвалив себя, конфузится.)*

Лентовский. Пустяки, черрт возьми! Побольше пороху, бенгальского огня, трескучих монологов — вот и все! В интересах костюмировки возьмите, черррт возьми, высший круг... Измена... Тюрьма... Возлюбленная заключенного насилуем выдается замуж за злодея... Роль злодея дадим Писареву... Далее — бегство из тюрьмы... выстрелы... Я не пожалею пороху... Далее — ребенок, знатное происхождение которого открывается только впоследствии... В конце концов опять выстрелы, опять пожар и торжество добродетели... Одним словом, стряпайте по шаблону, как стряпаются Рокамболи и графы Монте-Кристо... *(Гром, молния, иней, роса. Извержение вулкана. Лентовский выбрасывается наружу.)*

Балль. Действие первое.

Публика, капельдинеры, Ганзен и прочие.

Капельдинеры *(стаскивая с публики шубы).* На чаек бы с вашей милости! *(Не получив на чаек, хватают публику за фалды.)* О, черная неблагодарность!!! *(Стыдятся за человечество.)*

Один из публики. Что, выздоровел Лентовский?

Капельдинер. Драться уж начал, значит выздоровел!

Ганзен *(одеваясь в уборной).* Удивлю же я их! Я покажу им! Во всех газетах заговорят!

Действие продолжается, но читатель нетерпелив: он жаждет 2-го действия, а посему — занавес!

Балль. Действие второе.

Дворец Карла XII. За сценой Вальц глотает шпаги и раскаленные уголья. Гром и молния.

Карл XII и его царедворцы.

Карл *(шагает по сцене и вращает белками).* Делаярди! Вы изменили отечеству! Отдайте вашу шпагу капитану и извольте шествовать в тюрьму!

Делаярди *(говорит несколько прочувствованных слов и уходит).*

Карл. Тарновский! Вы в вашей раздирательной пьесе заставили меня прожить лишних десять лет! Извольте отправляться в тюрьму! *(Баронессе.)* Вы любите Делаярди и имеете от него ребенка. В интересах фабулы я не должен знать этого обстоятельства и должен отдать вас замуж за нелюбимого человека. Выходите за генерала Эренсверда.

Баронесса *(выходя за генерала).* Ах!

Генерал Эренсверд. Я их допеку! *(Назначается смотрителем тюрьмы, в которой заключены Делаярди и Тарновский.)*

Карл. Ну, теперь я свободен вплоть до пятого действия. Пойду в уборную!

Балль. Действие третье и четвертое.

Стелла *(играет по обыкновению недурно).* Граф, я люблю вас!

Молодой граф. И я вас люблю, Стелла, но, заклинаю вас во имя любви, скажите мне, на кой черт припутал меня Тарновский к этой канители? На что я ему нужен? Какое отношение я имею к его фабуле?

Бурль. А все это Спрут наделал! По его милости я попал в солдаты. Он бил меня, гнал, кусал... И не будь я Бурль, если это не он написал эту пьесу! Он на все готов, чтобы **только допечь меня!**

Стелла (*узнав свое происхождение*). Иду к отцу и освобожу его! (*На дороге к тюрьме встречается с Ганзеном. Ганзен выкидывает антраша.*)

Бурль. По милости Спрута я попал в солдаты и участвую в этой пьесе. Наверное, и Ганзена, чтобы допечь меня, заставил плясать этот Спрут! Ну подожди же! (*Падают мосты. Сцена проваливается. Ганзен делает прыжок, от которого становится дурно всем присутствующим старым девам.*)

Балль. Действие пятое и шестое.

Стелла (*знакомится в тюрьме с папашей и придумывает с ним план бегства*). Я спасу тебя, отец... Но как бы сделать так, чтобы с нами не бежал и Тарновский? Убежав из тюрьмы, он напишет новую драму!

Генерал Эренсверд (*терзает баронессу и заключенных*). Так как я злодей, то я не должен ничем походить на человека! (*Ест сырое мясо.*)

Делагарди и Стелла (бегут из тюрьмы).

Все. Держи! Лови!

Делагарди. Как бы там ни было, а мы все-таки убежим и останемся целы! (*Выстрел.*) Плевать! (*Падают мертвый.*) И на это плевать! Автор убивает, он же и воскрешает!

*Является из уборной Карл и повелевает добродетели торжествовать над пороком.
Всеобщее ликование. Улыбается луна, улыбаются и звезды.*

Публика (*указывая Бурлю на Тарновского*). Вот он, Спрут! Лови!

Бурль (*душит Тарновского. Тарновский падает мертвый, но тотчас же вскакивает. Гром, молния, иней, убийство Коверлей, великое переселение народов, кораблекрушение и сбор всех частей*).

Лентовский. А все-таки я не удовлетворен! (*Проваливается.*)

Балль. Какой напор, какой вулкан творческих и сексуальных страстей... По заказу нашего гостя Саши из солнечного Экибастуза — песня «Вулкан страстей». Музыка Леонида Зацепина, слова Александра Дербенева. На сцене — наши две вишенки на торте — Эмми Хеннингс и Надежда Крупская!

Эмми Хеннингс, Надежда Крупская (*караоке*).

Слова любви вы говорили мне
В городе¹ каменном,
А фонари² с глазами желтыми
Нас вели сквозь туман.
Любить я раньше не умела так
Огненно, пламенно,
В душе моей неосторожно вы
Разбудили вулкан.

Помоги мне, помоги мне.
В желтоглазую ночь позови.
Видишь, гибнет,
Сердце гибнет
В огнедышащей лаве любви.

¹ Автор слов, скорее всего, имел в виду Цюрих.

² Аллюзия к стихотворению Рихарда Хюльзенбека «Конец света», см. Суаре 3.

Нам попугай³ грозил загадочно
Пальмовой веточкой,
А город пил коктейли пряные,
Пил и ждал новостей.
Вы называли меня умницей,
Милою девочкой,
Но не могли понять, что шутите
Вы с вулканом страстей.

Помоги мне, помоги мне.
В желтоглазую ночь позови.
Видишь, гибнет,
Сердце гибнет
В огнедышащей лаве любви.

Ямайским ромом пахнут сумерки
Синие, длинные,
А город каменный по-прежнему
Пьет и ждет новостей.
Закат опять окрасил улицу
Красками дивными,
Но грозовые тучи кружатся
Над вулканом страстей.

Помоги мне, помоги мне.
В желтоглазую ночь позови.
Видишь, гибнет,
Сердце гибнет
В огнедышащей лаве любви.

Крупская. Хуго, помоги мне!

Балль. Если вы попали в огнедышащую лаву, вам поможет патентованное средство — антипирин.

Крупская. Первое небесное приключение господина Антипирина. Сочинение господина Тцара, начинающего дадаиста из Румынии, переведенное Сергеем Шаргородским.

Господин Блюблю.

погружаясь в пустыню
расширяя дорогу до крика в зыбучем песке
внимайте дрожи
пиявки и стафилина
Матаои Лоунда Нгами с прилежаньем
младенца что убивает себя

Господин Крикри.

маски и гнилые снега в цирке Пскова
выстрелю фабрику окружая Псков
половой орган квадратен свинцов и больше
чем вулкан и летит над Мгабати
из расщелин далеких гор
португальский дебаркадер тропичен партеногенетичен
длинные дела что прячет свинец

Дшиоло Мгабати Байлунда

Беременная женщина.

Тунди-а-вуа

³ Подразумевается КГБ, угрожавшее Солженицыну после его открытого письма IV Всесоюзному съезду советских писателей 16 мая 1967 года. Дальнейшие намеки, иносказания и пр. предоставляется распознать самому читателю и зрителю.

Соко Бгаи Аффаху

Господин Блюблю.

Фарафангама Соко Бгаи Аффаху

Пипи.

горечь без церкви марш марш вперед угольный верблюдо

желчь же на церкви здезде занавесы

додододо

Господин Антипирин.

Соко Бгаи Аффаху

зоумбаи зоумбаи зоумбаи зоум

Господин Крикри.

нет человечности лишь уличные фонари и

собаки

дзин аха дзин аха бобобо Туао оахиии хии хии хебоум

иеха иехо

Господин Блюблю.

неоспоримо

Господин Антипирин.

врата закрыты вне братства и горечь нам

вращается возвращается сколопендра башни Эйфеля

необъятный живот и жир мысль есть мысль

механизм без боли 179858555 иехо бибо фиби аха

мой Бог о мой Бог вдоль канала

горячка родильных кружев и SO₂H₄

Господин Блюблю.

Томбо Матапо вице-королей ночей

они утратили руки Мукаганга

лишились рук Манангара

потеряли руки полигон неверный

в Манзакесе божья коровка больше

церебральной

полусферы

но где же дома ночных вице-королей

Беременная женщина.

четыре сотни лошадей шестьдесят верблюдов

три сотни собольих шкурок пять сотен горностаевых

муж ее болен

двадцать шкурок желтых лис три хелизуна

сотня шкурок лис белых и желтых

большая живая птица Туао

ту а о ту а о ту а о

и четыре чудесных винтовки

Господин Крикри. здранга здранга здранга здранга

Господин Блюблю. ди ди ди ди ди ди ди ди

Пипи. зумбаи зумбаи зумбаи зумбаи

Господин Антипирин. дзи дзи дзи дзи дзи дзи дзи дзи

великая личность Блюблю влезает на свое отчаянье

и срет проявления минувшего дня и

ничего не желает с боков и заточается точно

ангелус в колокольне кишок по прибытии

полиции отращенье испытывает и живо выражает досаду

Господин Крикри.

дома фабрика флейт обритая голова

107 когда ночь явилась бесшумно словно

скарабей

кролики окружают собор кафедральный дральный дральный

и возвращаются до наступленья света утра H₂O

как северные части в окружении

Нджаро

и ночная птица 1000 поет на вертеле
и ночная птица поет с архангелом
и ночная птица поет для апашей
и застыли в небесах пред моей звучной песней
в стекольной лавке

Нпала Гарроо.

подвешивай скрученную радугу что растворится
солнце пупок сожмется
и школяр замеряет последнее на : :>|| |ф ≡
и все же он был влюблен и прорвался

Тристан Тцара.

Дада есть наша выраженность, что направляет бесполезные штывы суматранской головы германского младенца;
Дада есть искусство без комнатных туфель или параллелей; оно против и за единство и решительно против будущего; мудро ведаем, что наши мозги превратятся в пуховые подушки, что антидогматизм наш однобок, точно государственный чиновник, что сами мы не свободны и не кричим свобода жестокая Необходимость без морали или дисциплины и плевали мы на человечество. Дада пребывает в границах европейских слабостей и целиком состоит из дерьма, однако мы желаем срать разноцветным говном и украсить зоологический сад искусства всеми знаменами консульств кло кло бонг хихо ахо хихо ахо Мы управляющие цирков и дуем в дуду ярмарок монастырских школ проституций реальностей сантиментов ресторанов Хохохохи-хихиохо Банг Банг. Мы объявляем авто чувством, что нежило нас сполна в медлительности абстракций словно океанские лайнеры, шумы и идеи. Меж тем, мы распространяем средства вовне, ища центральную суть, и счастливы, пряча ее; не желаем мы пересчитывать окна изумительной знати, ибо Дада существует ни для кого, и я хочу, чтобы весь мир это уяснил, потому что таков балкон Дада, уверяю вас. С него можете вы услышать военные марши и слететь, разрезая воздух, подобно серафиму в публичной бане, дабы поссать и понять эту притчу Дада не помешательство – не мудрость – и не ирония, говорю я вам, любезные буржуа Искусство – это игра, дети собрали слова, звенящие на концах, и тогда они возопили и прокричали строфу, и надели кукольные башмачки, и обратилась строфа королевой, чтобы умирать потихоньку, и обернулась королева китом и дети бежали гуртом Засим явились великие Посланцы чувств что исторически вскричали хором психология психология хихи Наука Наука Наука вив ля Франс мы не наивны мы последовательны мы исключительны мы не так уж просты и у нас хорошо развиты умственные способности Но мы, Дада, никак не согласимся с ними, потому что искусство несерьезно, уверяю вас, и с ученым видом укажем на Юг: негритянское искусство без человечности к вашему удовольствию, милые слушатели, я так вас люблю, я вас так люблю, я уверяю вас и люблю вас

Притча.

если спросить у старой дамы
адресок борделя
пти пти пти пти пти пти пти птичка
что пела на горбе верблюда
зеленые слоны вашей чувствительности
каждый дрожит на телеграфном столбе
четыре лапы сбиты вместе гвоздями

Публика возмущена.

Иван Иванович. Всех дадаистов — на фонари!

Солженицын. Какая дичь!

Тцара. Федя, дичь!

Появляется Федя — старый русский официант, высокий статный мужчина, наверно бывший офицер, надевший для смеха публики дурацкий колпак, и пытается ее смешить, едва ли не кукарекая... Что потом началось, не опишешь в словах...

Балль. Как сказал Маркс: «Революции — локомотивы истории».

Крупская. А дада — мотор революции. Песня дадаиста. Для дадаистов. Автор — дадаист Т. Тцара. Перевел дадаист Ал. Парин. Исполняет хор дадаистов. Хормейстер — заслуженный дадаист Ив. Петров. Солист-дадаист I. Petroff.

Балль. Дадаист и Petroff?

Крупская. [аг. 'pɛtrɔf]

Балль. Итак, Песня дадаиста.

I

эта песня дадаиста
сердцем истого дада
стук в моторе не беда
ведь мотор и он дада

граф тяжелый автономный
ехал в лифте невредим
он мизинец свой огромный
оторвал и выслал в рим

лифт за это
вот беда
сердцем больше не дада

вода нужна всегда
прополощи мозги
дада
дада
отдай долги

II

эта песня дадаиста
ни опти ни пессимиста
он любил мотоциклистку
ни опти ни пессимистку

муж негаданно-нежданно
обнаружив их роман
в трех шикарных чемоданах
выслал трупы в Ватикан

не крути
с мотоциклисткой
ни с опти ни с пессимисткой

воде нужны круги
мозги твоя еда
дада
дада
отдай долги

III

песенка мотоциклиста
дадаистого душой
потому и дадаиста
что в душе дада большой

змея в перчатках и в белье
закрутил в горячке клапан
и руками в чешуе
римский папа был облапан
и скандал
был большой
проклял он дада душой

мозги не с той ноги
мозги одна вода
дада
дада
чулки туги

Солженицын. Господа, не знаете, где же, наконец, найти Ленина?

Ленин. Мой вам стариковский совет: не ищите Ленина — Ленин сам найдет вас и придет к вам. А, впрочем, сходите в Народный дом, там должна состояться его пресс-конференция.

Суре 3

Народный дом в Цюрихе

На сцене за длинным столом Ленин, Тцара, Солженицын, перед каждым микрофон, посредине стола графин, возможно с водой. Также на сцене трибуна для докладчиков.

Балль. В эфире традиционная прямая линия и пресс-конференция с главными персонажами XX века, а может и всей истории человечества: -е-, Тристаном Тцара и Александром Солженицыным.

Крупская. Здесь собрались художники, студенты, революционеры, туристы, международные авантюристы, психиатры, люди полусвета, скульпторы и вежливые шпионы в поисках информации.

Балль. Ведь настоящие Дада — это прохвосты, жулики, мошенники, кокотки. Они живут жизнью Дада.

Крупская. На нашу линию уже поступило более двух миллионов вопросов и они продолжают поступать.

Балль. Два миллиона вопросов каждому участнику, Надежда. Лавина вопросов.

Крупская. Просто водопад тем, Хуго.

Балль. Участников прямой линии просят осветить волнующие всех и каждого проблемы онтологии, гносеологии, аксиологии, пневматологии, эсхатологии, скотологии и патафизики.

Крупская. Вы получите ответы на все вопросы прошлого, настоящего и будущего.

Балль. Если серьезно, наши основные темы: дада, революция, война.

Крупская. Ну что ж, мы начинаем.

Балль. Цюрих. Кабаре. Ленин.

Ф. Л — ко. Добрый день!

Крупская. С нами Тристан Тцара.

Тцара. !хлупп.

Балль. А этот участник в представлении не нуждается.

Солженицын. Щ-202. Статье 58, пункт 10, часть 2, пункт 11. Мир вашему Народному дому!

Вопрос. Сергей Шершун, корреспондент газеты «Правда», Норвегия. Сразу прошу извинить меня за запах. Меня, как и газету, которую я представляю, доставили сюда конспиративно, в бочке с сельдью. Мой вопрос: как Дада появился на свет?

Тцара. Каждый делает свое дело. Долой милосердие. У человечества есть надежда, что оно выйдет из испытания обновленным. Ни сентиментализма, ни наивности. Так родился Дада в 1916 году в цюрихском «Кабаре Вольтер» на самой мрачной улице Цюриха из потребности независимости и недоверия к обыденщине.

Ф. Ф. По словам Маркса «революции — повивальные бабки истории». Появление Дада == это революция и в искусстве, и в жизни. Дадаизм — это большевизм в искусстве.

Солженицын. Я искал пристанища в Норвегии. Там отзвон изрядный и славнецкая селедка, но ихний язык пугает.

Балль. Подержите микрофон перед журналистом в смирительной рубашке. (*Дежурный санитар подходит к одному из журналистов.*) Да не перед этим, а перед тем, который с пеной у рта.

Вопрос. Ганс Рихтер, научный обозреватель журнала «Ярбух фюр даданалитик унд дадапаталогик», Лейпциг. На какой теоретической основе строится дадаизм?

Тцара. Мы не признаем никаких теорий. Но есть три неизменных составляющих дада: протест, абсурд и ирония. Да, мы сумасшедшие, мы орем настойчиво Дада, Дада, Дада!

К. О. Тремя источниками дадаизма являются: 1) классическая английская буржуазная политическая экономия; 2) немецкая классическая философия; 3) утопический социализм.

Солженицын. В фундаменте дадаизма лежат: Православие, Самодержавие, Народность.

Один из журналистов начинает стрелять.

Балль. Ох уж эти журналисты... Сколько сегодня оружия у них изъято?

Крупская. Пять пистолетов, три винтовки, семь гранат и один пулемет.

Возмущенные голоса журналистов: Швейцария — тюрьма народов и пр.

Балль. Ну ладно, пистолеты. Но зачем на прямой линии пулемет?

Крупская. Передайте микрофон господину с револьвером.

Вопрос. Фрид Харди Ворм, «Дас Борделль», Берлин. Надо ли отстреливать дадаистов?

Тцара. Риторический вопрос. Немедленно и поголовно. Я буду в первых рядах, кто расстреливает и кого расстреливают.

Фрид Харди Ворм. Спасибо (*пускает пулю в лоб*).

Вопрос. Роман Якобсон, газета «Безбожник». Вы сказали, что Дада — не теория. Быть может, Дада — религия?

Тцара. Дада — не религия, Дада — хвост священной коровы.

Вопрос. Елена Кармацкая, музей «Лошадок-качалок», Москва. Таким образом, Дада — не деревянная лошадка, как все считают?

К — пов. Что такое дада, не знают даже дадаисты. Знает только Верховный дада, но он никому не скажет.

Вопрос. Фердинанд Хардекопф, «Ди Акцион», Берлин. Является ли дадаизм как символ и жест противоположностью большевизма? Противопоставляет ли он разрушению и доведенной до совершенства расчетливости абсолютно донкихотскую, не признающую какую бы то ни было целесообразность, непостижимую сторону мира?

Статистик, Тцара, Солженицын. Будем наблюдать.

Вопрос. Самуэль Розеншток, «За Царя и Родину», Одесса. Что привлекает вас в Дада, как русского патриота.

Солженицын. Дадаизм — направление по своему характеру исконно русское. Дада, безусловно, в русском генетическом коде, Дада у нас в крови.

Тцара. У дада русский нос.

Вопрос. Сергей Петров, пенсионер, станция Лопасня. От кого и чего вы скрываетесь, что стремитесь избежать?

Солженицын. От чертова колеса времени и от вездесущего КГБ скрыться можно, а от Дада не убежишь.

В. Симулировать серенькую скромность или безумство. А в душе пребывать в высоком напряжении. Достигнуть необъяснимой, неприступной сферы.

Вопрос. Мария Литвиненко, Франс Пресс. А от войны можно убежать?

Тцара. Дада — крепенький ребеночек войны, покушавший кашки сомнения, собственной мамашки. Дадаизм — сумбурная смесь всех чувств, охватившая европейца со времени войны. Инкубатор, высидевший в траншеях яичко всех стран. Набивший волдыри скуки и безделья. К делу, к делу!

Литвиненко. «Casa doute progre matan». Я правильно поняла и записала?

Тцара. Уи, мадам. Верно и по форме, и по содержанию.

Постоянный читатель «Правды». Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов.

Солженицын. Война до победного конца Дада!

Вопрос. Анастасия Гачева, «Вселенское дело», Харбин. Дадаисты призывают к «делу». Как они собираются делать революцию?

Тцара. Люди не хотят понять, что революция не может быть «сделана» — разве что путем «ускоренной подготовки». Переворот в Германии ожидаемо случился из неустроенности, истощенности. Такое нельзя сделать, такое делается само. Можно только постараться быть справедливым по отношению к фактам и к присущему эпохе стилю. А потом уже громыхать вещами, если у них выйдет громыхать. И на этом фундаменте строить новое.

М. Как найти баланса между социализмом и искусством? Где тот путь, который связывает мечту с действительностью, мечту самую нездешнюю с самой обыденной действительностью?

Вопрос. Пьер Альбер-Бирот, «Сик», Париж. Все знают, что лимит на революции исчерпан, а вы все талдычите: «революция, революция...».

Петербуржец. А в чем собственно вопрос? Товарищ Крупская! Раздайте конфискованное оружие дадаистам.

Балль. Очень острый вопрос хлопца в вышиванке.

Вопрос. Сергей Шаргородский, Ассошиэйтед Пресс, Киев. Все мы знаем, что Украину создал Ленин. Однако у меня вопрос не к Б. Ж., а к Александру Исаевичу. Как вы оцениваете события в Украине?

Солженицын. Украинский вопрос — из опаснейших вопросов нашего будущего, он может нанести нам кровавый удар при самом освобождении, и к нему плохо подготовлены умы с обеих сторон... Во всяком случае, знаю и твердо объявлю когда-то: возникни, не дай Бог, русско-украинская война — сам не пойду на нее и сыновей своих не пущу¹.

Когда я горестно листаю
Российской летопись земли,
Я — тех царей благословляю,
При ком войны мы не вели.

Вопрос. Иван Маца, «Голос», Санкт-Петербург. А кто придумал Россию?

Н. К. Перефразируя нелюбимого мной русского писателя: Россия — игра дада, но не ума.

Смех в зале.

Балль. Выгнать всех мерзавцев, которые смеются!

Крупская. Вы гниете, и пожар уже начался.

Крики: Пожар! Пожар!

Вопрос. Григорий Баммель. «Дер Шпигель», Гамбург. Как вы оцениваете нынешнего правителя России?

Тцара. Антикоммунист на все сто!

Скептик. Определенно не дадаист.

Солженицын. Взять бы этого правителя, да за такое руководство года на три в Соловки!

Тцара. Александр!

Т. Х. Отправить его в Соловки прямо сейчас невозможно по той причине, что он родится на полстолетия позже.

Солженицын. А жаль!

Вопрос. Рюрик Рок, Творческое бюро Ничевоков, Ростов-на-Дону. Кто такой мистер Путин мы уже поняли, а кто вы, мистер Тцара?

¹ Солженицын А.И. Угодило зернышко между двух жерновов // Новый мир. — 1998. — №11. — С. 129.

Тцара.

Посмотрите на меня!

Я идиот, я шут, я враль.

Посмотрите на меня хорошенько!

Я безобразен, мое лицо не выразительно, я мал ростом.

Я таков как все!

Вопрос. Абрам Эфрос. «Русский современник», Москва. Что бы вы пожелали Президенту России в 2024 году?

Солженицын. Как и я, оказаться в 1916 году в «Кабаре Вольтер».

Тцара. Стать большевиком.

Большевик. Стать дадаистом. Впрочем, это касается не только Президента России, но и остальных мировых политиков.

Солженицын. Добавлю: каждый русский правитель — дадаист.

Балль. Позволю заметить, и каждый русский писатель.

Тцара. Главное в нашем деле — этот самый — реализм.

Вопрос. Мария Ивановна Ключникова, птичница, деревня Калитино. Я живу без мужа, а как вы, господин Солженицын работали над темой «Ленин в Цюрихе»?

Солженицын. Набодадся я с Лениным, хотя пока и не встречался с ним. Исходил весь Цюрих по ленинским маршрутам, побывал в комнате фюрера русской революции на Шпигельгассе, беседовал с его соседями. Заходил в каждую пивную, в каждое кафе, в каждый ресторан, где бывал Ильич. Ни одного суаре не пропустил в «Кабаре Вольтер», а вчера вот даже сходил в библиотеку, где работал Ленин. И понял, демонический образ Ленина, задуманный мной в Москве, мало похож на образ реального, человеческого Ленина.

Вопрос. Наталья Чистякова, методист, Московская область. Какова дальнейшая судьба вашей книге о Ленине?

Солженицын. Работа, можно сказать, полностью обделана, рукопись сожжена. Вечером, в «Кабаре Вольтер», прочитаю по памяти выбранные места из этой книги для моих новых друзей — дадаистов. Точнее даже не выбранные места, а рассказ о том, как писалась эта книга.

Вопрос. Аркадий Тарантулов, «Будильник», Петербург-Москва. А как вы поступите с Нобелевской премией?

Солженицын. По совету друзей собираюсь передать ее партии большевиков. Если там, конечно, согласятся принять этот небольшой дар.

Вопрос. Ксения Мазнева, Первый канал. Я правильно поняла: Солженицын превращается, превращается Солженицын... в большевика?

Солженицын. Это покажет время. Ведь коммунистом, как и дадаистом, стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. А у меня кроме лагерных баек ничего за душой нет.

Тцара. Есть Солженицын — есть ГУЛАГ, нет Солженицына — нет ГУЛАГа.

Вопрос. Юлиана Каминская, журнал «Театрон». Вы в лагерной самодеятельности служили?

Солженицын. Служил.

Вопрос. Виктория Иванова, РИА Новости. Как поступит иностранный агент Солженицын с деньгами понятно. А куда Ленин дел 300 миллионов золотых немецких марок, которые, как хорошо известно, он получил от Германского Генштаба?

Не-депутат. Позвольте ответить мне. Доподлинно известно, что все эти деньги Ленин прокутил в «Кабаре Вольтер», я сам видел его счета.

Вопрос. Бибер Фрессер, радио «Свобода». Господин Солженицын! Совсем скоро, через 57 лет, здесь, в Цюрихе, вам предстоит большая пресс-конференция, посвященная будущему России — сборнику «Из-под глыб». Говорят, что в одной из статей этого сборника вы предлагаете «жить не по лжи» — отказаться от коммунистической лжи.

Солженицын. Мадам, это ложь! Скажу сразу, я принял непростое решение и не буду участвовать в сей пресс-конференции 16 ноября 1974 года. Если, кто и будет ее проводить, то это мой двойник, говорящий моим голосом. Иными словами, это очередная провокация ЦРУ, вы мне не верите?¹

Вопрос. Густав Экштейн, Нойе Цюрих Цайтунг. Возвращаясь к вопросу о революции. Что вы думаете о перспективах революции в России?

Ленин. Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции.

Густав Экштейн. А что о революции в Швейцарии?

Солженицын. Позвольте ответить мне. В Швейцарии необходимо будет экспроприировать... максимум... всего не больше 30 тысяч буржуа. Ну, и конечно, сразу захватить все банки. И Швейцария — станет пролетарской.

Тцара. В затхлой Швейцарии торжествует бацилла мелкобуржуазного тупоумия. А буржуазный мир — стоит, не взорванный.

*Голоса из зала: выслать этих большевиков, дадаистов и солженицыных из Швейцарии!
Швейцария для швейцарцев!*

Вопрос. Андрей Амальрик, АПН. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?

Крупская. И схожий вопрос.

Вопрос. Жорж Рибмон-Дессень, «Сумасшедший петух», Сен-Жанне. Умер ли Дада?

Тцара. Инвестируйте свои деньги в Дада! Дада — единственный сберегательный банк, который платит проценты в будущем!

Вопрос. Бенедикт Рамад, цюрихская редакция радио «Sputnik». Николай Петрович! Как вы собираетесь возвращаться в Россию, охваченную революцией? Говорят, у вас есть несколько планов, один другого неосуществимее.

Русский коммунист. Да, хороших планов у нас громадьё. Можно проехать в Россию на аэроплане. Можно проехать через Швецию по паспортам глухонемых. Можно, наконец, добиться обмена на немецких военнопленных. Но самое реалистичное и надежное — воспользоваться машиной времени, которая доставила нам писателя Солженицына.

Бенедикт Рамад. Спасибо, товарищ Базиль. И вторая часть вопроса. Что бы вы могли сказать нашим дорогим товарищам радиослушателям перед отправлением в это увлекательное путешествие?

Балль. Закругляйтесь, господа! Караул устал.

Бенедикт Рамад. Значит, вы еще никогда...

Крупская. Цигель, цигель, ай-люлю.

Солженицын. Нам было задано множество вопросов. Позвольте и мне спросить господ журналистов: вы Ленина не видели? Где он может быть?

Крупская. Лимит вопросов исчерпан.

Балль. А Дада — неисчерпаем. До встречи в «Кабаре Вольтер».

Крики: требуем продолжения прямой линии и пр. Начинается разгром пресс-центра. Кругом перевернутые столы, выкорчеванные кресла, разбитое оборудование, куски человеческих тел, лужи крови.

Кабаре Вольтер

Крупская. Начинаем наше прощальное суаре.

Балль. Поехал на палочке.

¹ Материалы этой, так называемой, пресс-конференции, можно найти в книге: Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Т.2. Ярославль: Верхняя Волга, 1996. С. 130-166.

Крупская. Куда это ты поехал? А кто суаре вести будет?

Балль. Это не я. Это дядя Модя — Модест Петрович Мусоргский, «Поехал на палочке». Исполняет Эмми Хеннингс за роялем Petrof.

Крупская. Опять Petroff?! Ну сколько можно, достал уже!

Балль. Это рояль Petrof, а за роялем — Хуго Балль, собственной персоной.

*Хуго Балль садиться за рояль, выходит Эмми Хеннингс. Звучит песня из цикла «Детская»
Модеста Мусоргского.*

Хоп! Хоп! Хоп, хоп!
Хей, поди!
Хей! Хей! Хей, поди!
Хоп, хоп!
Хоп, хоп!
Хей!
Хей, Хей!
Хей, хоп!

Тпру! Стой!

Вася, а Вася!
Слушай,
приходи играть сегодня,
только не поздно!
Ну ты, хоп!

Прощай, Вася!
Я в Юкки поехал...
Только к вечеру непременно буду;
Мы ведь рано,
очень рано спать ложимся;
приходи ж ужо!

Та-
та-та-та-
та-та-та-
та-
та!

Та-
та-та-та-
та-
та!

Хей!

Та-
та-та-та-
та-та-та-
та-
та!

Поди!
Хей!
Хей!
Поди!

Хей!
Хей, поди!

Раздавлю!

Ой!
Ой, больно!
Ой, ногу!..
Ой, больно!
Ой, ногу!

Сержинька!
Что с тобою?
Ну, полно плакать,
пройдет, дружок.

Постой-ка,
встань на ножки прямо,
вот так, дитя!

Посмотри, какая прелесть!
Видишь, в кустах, налево?
Ах, что за птичка дивная!
Что за перышки!
Видишь?

Что ножка?
Прошло?

Прошло!
Я в Юкки съездил, мама;
теперь домой торопиться надо...

Хоп, Хоп!
Гости будут...
Хоп!
Торопиться надо...

Балль. Прошу тишины.

Крупская. С прискорбием извещаем, что 12 (25) июля 1916 года на 82 году жизни в деревне Юкки скончалась мать Ленина — Мария Александровна Ульянова.

Балль. Я не нахожу слов... Но язык не единственное средство выражения. Самые глубокие переживания он не способен передать... Кто прочувствовал божественные страдания или изведал их как мученик, тот преобразится, тот не может умереть. А если и умрет, тогда вялые воды времени не смогут его поглотить. Он вернется... Мои искренние соболезнования Владимиру Ильичу и вам, Надежда Константиновна.

Крупская. Спасибо, Хуго. Но надо торопиться. Шоу маст гоу он. У пианино — хвост, а ножницы — орудие дадаиста.

Балль. Рецепт для составления дадаистической поэмы антифилософа АА и Тристана Тзара.

Возьмите газету.
Возьмите ножницы.
Выберите в этой газете статью по длине соответствующую предполагаемой вами поэме.
Вырежьте статью.
Вырежьте аккуратно каждое слово этой статьи и положите их в мешок.

Легонько потрясите
Потом вынимайте каждую вырезку одну за другой в том порядке,
в каком они вышли из мешка.
Тщательно скопируйте.
Поэма будет похожа на вас
И вот вы поэт — «бесконечно оригинальный, с удивительной тон-
костью восприятия — хотя не всегда доступный пониманию».

Балль. Как говорится, Цюрих — город контрастов. Со своим докладом-дададом выступит товарищ Н.

выше для предприятий Диурич
связи промышленности
вывозу этот вскрытия стираются десяткам
за господству мировых потому судоходстве
или колонии видим конкуренции
приблизительный данного дипломатии хозяйства
воду неудивительно противодействия обостряется возможных
разрешает не из во-первых надстройка черты было обобществление почве
монополий грешных зависимость Weltwirtschaftliches разрушается
лет западноевропейского не железные течение
Buch мысли надзор статистики
и следует является и их и этот (Пэйш)
те переписи к себе по земле году
весь речь на всего действительно руках теперешней
которые много настолько политики руки получил
аристократии или тонн хором
едва империализме
а эти государствах благодаря себя в каждой строительных
за европейских что Шульце-Гевецик рабим
50 социал-шовинистом
30 условиях величайшего
1909 капиталы страной
Bank электрических материалов Лансбург с финансирования возведение
поставку бессодержательно политику стран определенной
скажем торговыми полуколониальные и года
рядом в безраздельной шее 1914
положение XIX Каутского в Штутгарт определено монополией
острых гигантские доставлении в странах
борется немецкой странами
чтобы помещенные им Шильдер к 1907 изумляться
она дела революции одного года
есть они в мире
британская туристами Альфред места 301
Тюбинген один канцелярии размерах
силой вражды подходили Гельзенкирхенское
во 100 или революции черта
современных капиталистическими выросшее
пример самых
но гласит ступень и прочим из шести хозяйства
достаточно системе подчеркивается
то скупить начале капитала размеры кавычки
оппортунизм всего отрывает отмахнуться вмешательство
то и на на в готовность примеры предприятий дни
когда громадную конкуренции промышленность l'Allemagne
картелям монополии около рублей каждом таких 45
противоположность и банковом рассуждения классов
института действительности

приходится олигархия доставить нами идеал
Вывоз крупнейшее концентрацией связи
известно данной порождается прямо бойкота
сравнительную в самым и конце посвященные войны.

Крики: Браво! Бис!

Солженицын. Как удивительно логично, четко и ясно изложено. Не то, что в советских учебниках марксизма-ленинизма. Да еще на прекрасном русском языке. Вот бы мне также мой «Архипелаг ГУЛАГ» порезать на кусочки, да в мешке перемешать. Еще бы одну Нобелевскую дали.

Иван Иванович. Где ж вы возьмете, Александр Исаевич, такой огромный мешок? Тут экскаватор нужен, а не мешок. И не ножницы, а промышленный резак.

Тцара. А зачем резать? Он такой бред пишет, что сразу видно, — дадаист.

Балль. Мы с Наденькой не только ведущие.

Крупская. Мы еще и симультанные исполнители.

Балль. Поль Верлен. Из цикла «Мудрость».

Крупская. А о чем может говорить мудрость, как не о деревянных лошадках?

Балль.

По кругу! Быстрой, деревянные кони!
По кругу, быстрой и быстрой друг за другом,
Без отдыха круг пролетая за кругом
Под звуки трубы в бесконечной погоне!

Мальш раскраснелся, мамаша бледна,
Девица вся в розовом, в черном юнец,
Кто весел, а кто измотался вконец,
Медяк — этой шумной забаве цена.

Отрада сердец, деревянные кони,
По кругу, быстрой — под прищуренным взглядом
Плута продувного, стоящего рядом,
Летите под звуки рожков и гармони.

Как странно, что пьяны и вы без вина,
Что кругом дурацкий плывет балаган:
Блаженство в крови, а в сознание дурман,
Душа вместе с этой толпою пьяна.

По кругу! Ведут вас смычки и трещотки,
Гобои, тромбоны — раскат за раскатом.
Вы ласковы, кони, подобно ягнятам,
Подобно народу восставшему, кротки.

А ветер трехцветное знамя взметнул,
Качнул парусину, стекло и металл,
Штанины надул и подола задрал,
И гром прокатился повсюду, и гул.

По кругу, лошадки, вперед неизменно!
Без отдыха тур совершайте за туром!
Вы мчитесь стремительным плавным аллюром,
Не требуя шпор, не надеясь на сено.

Быстрой, мои кони, утеха души!

Крупская.

Tournez, tournez, bons chevaux de bois,
Tournez cent tours, tournez mille tours,
Tournez souvent et tournez toujours,
Tournez, tournez au son des hautbois.

L'enfant tout rouge et la mere blanche,
Le gars en noir et la fille en rose,
L'une a la chose et l'autre a la pose,
Chacun se paie un sou de dimanche.

Tournez, tournez, chevaux de leur coeur,
Tandis qu'autour de tous vos tournois
Clignote l'oeil du filou surnois,
Tournez au son du piston vainqueur.

C'est etonnant comme ca vous soule
D'aller ainsi dans ce cirque bete:
Bien dans le ventre et mal dans la tete,
Du mal en masse et du bien en foule.

Tournez au son de l'accordeon,
Du violon, du trombone fous,
Chevaux plus doux que des moutons, doux
Comme un peuple en revolution.

Le vent, fouettant la tente, les verres,
Les zincs et le drapeau tricolore,
Et les jupons, et que sais-je encore?
Fait un fracas de cinq cent tonnerres.

Tournez, dadas, sans qu'il sois besoin
D'user jamais de nuls eperons
Pour commander a vos galops ronds:
Tournez, tournez, sans espoir de foin.

Et depechez, chevaux de leur ame:

Ждет всадников ужин и мирный досуг,
Спускается сумрак и манит пьянчуг
У стойки последние тратить гроши.

Под небом, как бархатный плащ златотканый,
Под звездными блестками мчитесь бессонно
По кругу под медь погребального звона,
По кругу, быстрей, под раскат барабанный!

Deja voici que sonne a la soupe
La nuit qui tombe et chasse la troupe
De gais buveurs que leur soif affame.

Tournez, tournez! Le ciel en velours
D'astres en or se vet lentement.
L'eglise tinte un glas tristement.
Tournez au son joyeux des tambours!

На сцену выносят Солженицына.

Солженицын. Меня долго уговаривали и наконец уговорили рассказать о моей книге «Ленин в Цюрихе». Делюсь с вами своими драгоценными воспоминаниями.

Еще и по свежести цюрихских впечатлений, я спешил именно сейчас написать, кончить ленинские главы¹. Включая «Март Семнадцатого» их набралось теперь, по обилию материала, больше, чем ранее предположенных три, возникала самостоятельная картина, и даже гораздо самостоятельней, чем утонут они потом в Узлах, — да и когда еще то «Красное Колесо»? За годами.

Работать мне на цюрихской квартире было по-прежнему шумно, тесно, невозможно — и я опять уехал в горы, все в тот же Штерненберг, один раз на две недели, другой — еще на три. Как все старые крестьянские швейцарские дома, и этот имел часть комнат неотопливаемых, с расчетом на холодный сон в слабоморозные ночи с распахнутыми окнами, нестарые люди в большинстве спят тут так. Сперва это мне казалось диковато — входить в морозную спальню, но потом я привык, и пристрастился, и стало это моей привычкой, наверно, на всю жизнь, уже и при 25-градусном морозе в Вермонте. За ночь наглотавшись свежего воздуха, днем и не нуждаешься никуда выходить гулять, сидишь и работаешь день насквозь. А напоминала мне эта одинокая зимняя работа — мою работу в Эстонии над «Архипелагом», и как там я урывал в лунную ночь выйти и ощутить мир — так и в Штерненберге, при луне, уже поздно ночью, браживал с палкой по снежным горным тропинкам и не наглядывался суровостью этого провалистого и взнесенного пиками пустынного лунного пейзажа. На таком пейзаже — где в заливе лунного сияния, где с резкими черными тенями гор и деревьев — мне и запомнилась та моя неполегающая выработка над Лениным до последних сил и где-то тут, между горами, его мятущийся черный дух. А в рабочей комнате прикнутил² я к деревянной стене, чтобы зримее ощущать непрерывно, — портрет Ленина, один из самых зловещих, где он и воплощенный дьявол, и приговоренный злодей, и уже смертельно больной. (Придумал, чтобы на всех мировых изданиях этот портрет был на обложке. В русском издании портрет сослужил дурную службу: до того ненавидели его старые эмигранты, что такую книгу даже в дом внести не хотели. У нас, советских, отношение к Ленину — одомашненно-юмористическое, у эмигрантов — зачуранье³.)

Работал — совершенно весь отдавшись, ощущал себя на главном, главном стержне эпопеи⁴. В эти пять недель в Штерненберге меня работа захватила настолько, что я потерял ощущение современного момента, знать его не хотел, и как он там меня требует или вытягивает к себе. Даже обычные известия по коротковолновым станциям перестал слушать⁵. Из горы собравшихся материалов рос и рос, вровень Ленину, прежде не задуманный Парвус, с его гениально простым же планом разломать Россию сочетанием революционных методов и национальных сепаратизмов, более всего украинского: в лагерях российских военнопленных создавать для украинцев льготные условия и поджигать в них непримиримость к России. (И План — удался! Никакая Британская Империя не могла раньше осуществить такого: не решились бы на революционный огонь.) Но возникла для меня трудность: как встретить

¹ Эти главы, как и вся книга Солженицына «Ленин в Цюрихе», не дошли до нас, так как были сожжены автором. Имеющиеся издания являются очередной грубой фальшивкой ЦРУ.

² Прикрепил кнопками.

³ Непереводаемая игра слов.

⁴ Мы показали этот фрагмент д-ру Карлу Юнгу из клиники Бургхольцли. По этическим соображением мы не можем привести здесь мнение д-ра Юнга, оставляя читателю самому дофантазировать, кому «отдавался» автор и что такое «главный, главный стержень».

⁵ Очередная несообразность автора — в 1916 году не было коротковолновых вещательных станций.

Парвуса и Ленина в 1916, дать им прямой диалог? Такая встреча их была, но в 1915 в Берне, я же описывать 1915 год отказался. А в 1916 в Цюрихе — не было личной встречи, лишь обмен письмами. Тогда — изневоли — я отступил от обычного реализма и применил фантастический прием, как бы дать переписке перетечь в диалог, ввел чертовщину: посланец не только привез письмо, но и самого уменьшенного Парвуса в бауле. Приемом его распухания, вылезания, а после разговора исчезновением — фантастика и исчерпывалась, весь диалог Ленина—Парвуса и столкновение их мыслей и планов даны реально и в полном соответствии с исторической истиной.

И вот, за пять недель я кончил — завершил почти до готовности в печать — все цюрихские ленинские главы, их оказалась не одна, как написал в Москве, а десять. Ощущение было, что взял сильно укрепленную высоту.

После этого в Цюрихе хотелось поблагодарить и попрощаться с Платтенем-младшим, Мирославом Тучеком из Социальштелле и Вилли Гаучи, автором обстоятельной книги о Ленине в Швейцарии. Я предложил пойти в один из ресторанчиков, связанных с Лениным. Пошли в «Белого лебедя»⁶, сели за свободный стол. Поднимаю глаза: на близкой низкой стене прямо против меня — портрет Ленина! — да какой: тот, мой избранный для книги, — самый страшный и выразительный, где он и дьявольски умен и безмерно зол и приговоренный преступник. Видит мой замысел — и не может (не может ли?) ему помешать. Посмертная пытка ему — а мне земное соревнование. Три недели он висел у меня на стене в горах, с ненавистью и страхом следил за моей работой. И вот — здесь, разве не символ?.. Так и заставили его быть свидетелем торжества над ним самим...

Ну, спасибо, милый Цюрих, — поработали мы славно.

Солженицын вручают лавровый венок. Он благодарит, спускается со сцены, садится за столик. К столику подходит невысокий господин, садится без приглашения.

Солженицын. Вы к кому?

Ленин. К тебе.

Солженицын. Ну?

Ленин. Не узнаешь?

Солженицын. Не узнаю.

Ленин. Может, выпьем?

Солженицын. Выпьем.

Ленин. Я тебя тоже не сразу узнал.

Солженицын. Угу.

Иван Иванович. Простите, с кем имею честь?

Ленин. Ленин Владимир Ильич

Иван Иванович. Вылитый Верлен, вылитый!

Солженицын. Сколько же я вас искал, Дядя! Вы здорово законспировались, Владимир Ильич! Совсем запутали матерого зэка своими разными именами! Сколько их у вас?

Ленин. 159, Александр Исаевич. А как вы, своими тайниками КГБ за нос водили! Умора, батенька!

Иван Иванович. А водить КГБ за нос — задача не простая! Скажем, в одном из документов, который на время передавался Александром Исаевичем кому-то из своих связей, сотрудники КГБ смогли вместить обычный лист печатной бумаги. Ставилась обычная точка, отпечатанная на машинке, потом она ювелирно срезалась, туда внедрялся радиоактивный элемент, после чего «точка» заклеивалась. Лист становился маяком движения.

Ленин. То есть это была радиоактивная метка?

Иван Иванович. Да, чтобы найти подход к тайнику Солженицына. И далее эта проблема была решена, а дальше — дело техники. У тебя в кармане счетчик, смотришь, куда уходит эта метка, кому она уходит и ее дальнейшее движение. На человека она не оказывает негативного воздействия.

⁶ «Белый лебедь» не ресторан в Цюрихе, а колония особого режима в Соликамске для пожизненно осужденных.

Солженицын (*смеется*). Все во имя человека, все для блага человека!

Ленин. Как я и предполагал — наука и техника достигла при социализме небывалых высот — радиация, космонавтика, машина времени... (*Ивану Ивановичу.*) Но самое забавное, что Александр Исаевич искренне верит, что находится в «Кабаре Вольтер». Мы с Феликсом Эдмундовичем животы от смеха надорвали.

Солженицын (*растеряно*). А где же я?

Иван Иванович. Придете в себя, Александр Исаевич, узнаете... Может, в клинике «Бургхельцли». Но, вероятнее всего, в КПБСТИН — Казанской психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением... Ладно, ладно! Шучу!

Солженицын. Грешно смеяться над больными людьми.

Крупская. Танцтерапия!

Балль. Танцуют-дадацуют все!

*На сцену появляется человек, похожий на Карла Маркса.
С ним братья Маркс: Гаммо, Граучо (Сверх-я), Зеппо, Харпо (Оно), Чико (Я).*

Все хорошо, что модно
Все это знают.
И танцы ежегодно
у нас меняют.

Припев:
Тай-рай-пять-пять,
В семнадцатом году,
Тай-рай-пять-пять,
В семнадцатом году.

Матчиш — прелестный танец,
Теперь он в моде,
Его привез испанец
На пароходе...

Припев

Его я танцевала
С одним нахалом,
В отдельном кабинэте,
Под одеялом...

Припев
Была я белошвейкой
И шила гладью,
Теперь служу в театре
И стала... актрисой.

Припев

Была я балериной,
Плясала, опа!
Но мне плясать мешала
Большая... гордость.

Припев

Приехала я в Питер,
Чтоб стать звездой,
Чтобы всего добиться...

Своим талантом!

Тай-рай-пать-пать,
В семнадцатом году,
Тай-рай-пать-пать,
В семнадцатом году

Крупская. В семнадцатом году отшумит свое Дада в Цюрихе, а Мировая война продолжит гроыхать и только Ленин может ее остановить.

Балль. Или скоро конец света?

Крупская. Сие великое духоискусство — роете bruitiste представляется в свой первый и послдегтй раз Рихардом Хюльзэнбэкком.

Крупская. ДАДА.

Хюльзэнбэкк. Конец света.

В общем и целом се на самом деле
с миром сим пришло
На телеграфных у путей столбах сидят
коровы и спокойно в шахматы играют
Меланхоличен столь лишь какаду поет
под юбками танцОвщицы фламенко
как штабс-трубач и целый день орудия
горюют
Это и есть в лиловом тот ландшафт
о коем говорил херр Майер око когда
он потерял
Только с пожарной командою ночной
кошмар сей и изгонишь из салона
правда распороты кишки их пополам
Да да тут Соня целлулОйдный пупсик
гляньте эдакий чертенок и возгласите ж:
God save the king
На дымоходе „Meuerbeer“ сим скопом
пук монист но только штурман тут один
с понятием о С и столь высоким
Учеба начата всерьез и с пальцев ног
анатомический я стягиваю атлас
Видали рыбу коя перед оперою в Cutaway
стоит уж zween дня и zween ночи?
Ах Ах Ваш Черт великий — Пасечник ах
ах Ваш и Комендантов плацев
Воля¹ wau wau wau Воля где где где и кто
не знает ныне что наш Отец-Гомер создал
в стихах
Войну и мир в моей держу я тоге но в ито-
ге предпочитаю все же шерру-бренди смесь
Никто не ведает сегодня был ли он вчера
К сему такт крышкой гроба отобьется
Коль кто-то только б мужество имел бы
чтоб отодрать трамваю хвостовые перья
Великое то было б Время
Зоологи-профессора собираются в лугах
Они ладонями там отражают нападенье
радуг
Кладет великий маг на лоб свой помидоры
И не наполнишь ни куста ни замка наконец

¹ «Воля» явная ошибка переводчика Алишера Киямова. Следует читать: «Водя».

Скачет скакун свистит косуль самец
(Кто же не стать тут слабоумным может)

Балль. Вот и прошло детство XX века — его первые 16 лет. Вот и отскакал свое, славный скакун-дада, в Цюрихе, чтобы опять цокать своими копытами, но уже в Берлине и Париже.

Крупская. Закончился 1916 год — год Дада в Швейцарии. Наступил 1917 год — год Великой Октябрьской социалистической революции в России. Скоро застучат по ее городам и весям копыта коней всадников революции.

Балль. А нам пора прощаться с «Кабаре Вольтер».

Крупская. С дадаистами и большевиками, писателем Солженицыным.

Ускакали деревянные лошадки¹,
Пароходики бумажные уплыли.
Мы, из детства убегая без оглядки,
Все, что надо и не надо, позабыли.
Самодельные игрушки позабыты,
Но об этом, но об этом не жалеем.
Мы серьезны, глубоки и деловиты,
Мы старательно умнеем и взрослеем.

Принимаемся за трудную работу,
Привыкаем, привыкаем торопиться —
И не видим, как порой за поворотом
Простучат нетерпеливые копытца.
Перегруженных делами, нас не троньте,
Все мотаемся, мотаемся по свету —
И не видим, как порой на горизонте
Покачнется легкий парус из газеты.

Ускакали деревянные лошадки,
Пароходики бумажные уплыли.
Мы, из детства убегая без оглядки,
Все, что надо и не надо, позабыли.
Мы не знаем, что при первой неудаче, —
Только стоит, только стоит оглянуться,
К нам лошадки деревянные прискачут...

Балль. Важное сообщение. Товарищ Ленин и другие большевики получили разрешение выехать в Россию. Они отправляются в пломбированном вагоне из Цюриха в Петроград!

Финал в пломбированном вагоне

*По Шпигельгассе от дома № 14 к «Кабаре Вольтер» идут большевики и дадаисты, поют Интернационал. Шествие приближается к Центральному вокзалу. На всех парах уже стоит, весь в золотых пломбах, железнодорожный состав.
Дадаисты прощаются с большевиками.*

Тцара. Прощайте, товарищ Ленин!

Ленин. До свидания, товарищ Тцара! До скорых встреч, товарищи дадаисты!

*27 марта (9 апреля) 1917 года, 15 часов 10 минут. Купе пломбированного вагона².
В купе Ленин. Входит Солженицын, одетый, как и Ленин,*

¹ Музыка Марка Минкова, слова Эдуарда Шима.

² Грубая ошибка автора. Ленин с Солженицыным оказались в одном купе пломбированного вагона позже, а именно на пограничной германской станции Готтмадинген.

в скромный классический костюм-тройку.

Солженицын. Куда идет сей дымоход? Ох, простите, этот паровоз.

Ленин. На Петроград, на Петроград, на Петроград! Мы домой едем, господин Солженицын.

Солженицын. Не господин, а товарищ, Владимир Ильич!

Ленин. Ну что, Александр Исаевич, значит, с нами? Значит, наш?

Солженицын. Да, товарищ Ленин!

Ленин. Вернетесь в Россию, напишите хороший, пролетарский роман или пьесу. Много хороших книг.

Солженицын. Не напишу. Я вообще книг писать не буду.

Ленин. А чем же будете заниматься?

Солженицын. После победы нашей революции пойду учиться, окончу университет, в войну уйду на германский фронт... Если вернусь — буду преподавать в школе физику и математику.

Ленин. Хорошие учителя нам нужны. Чрезвычайно нужны! Да-да!

ЗАНАВЕС

Приложение 1

Остальные персонажи (в порядке появления)

Крупская Надежда Константиновна, супруга В.И. Ленина.
Иван Иванович¹, сотрудник КГБ, позже — Охранного отделения.
Стюардесса.
Каммерер, сапожник.
Фрау сапожника.
Жена солдата.
Мальчик на лошадке, сын сапожника.
Девочка-зайка.
Мальчик в костюме лисы.
Передние ноги слона.
Задние ноги слона.
Синьор Дринь-Дринь.
Актер 2.
Актер 1.
Колбасник.
Пивовар.
Библиотекарь.
Русские и зарубежные писатели в большом количестве.
Животные, разные.
Журналисты и участники прямой линии, 28 штук.
Множество персонажей из пьес разных авторов.

¹ Не путать с одной из ипостасей Ленина.

Приложение 2

Деревянные лошадки: игра и искусство Концепция скачущей выставки

Деревянные лошадки окружали наших предков на протяжении столетий, некоторые из нас застали этих лошадок еще в своем советском детстве. Конь был важнейшим орудием крестьянского труда, верным помощником в бою, конь был и первой игрушкой ребенка. Образ деревянной лошади прочно вошел в мифы, литературу, живопись, театр, кинематограф. Деревянные лошадки стали предметом быта, и музейными экспонатами, и объектом научного исследования.

Обширен мир деревянных лошадок: от простейших и примитивных игрушек, до огромных и сложных конструкций.

Литературные образы деревянной лошади простираются от древнегреческих мифов до классической русской литературы, поэтов-символистов, дадаистов, вплоть до отечественных писателей-деревенщиков.

Для воспитания подрастающего поколения, расширения его кругозора представляется полезным воссоздать выставочными средствами мир труда, борьбы, игры и творчества, воплощенных в деревянных лошадках.

Экспозиция включает следующие разделы:

реальные деревянные лошадки из частных, государственных и муниципальных музейных собраний;

деревянная лошадка в живописи и фотографии;

образ деревянной лошадки в литературе;

образ деревянной лошадки в искусстве;

не только деревянные лошадки (глина, литье и др.).

Предполагается, что выставка будет перемещаться от площадки к площадке, а состав и масштаб экспозиции, кроме постоянного ядра, будет меняться в зависимости от места проведения.

Акустическое сопровождение выставки включает классические произведения, популярные эстрадные песни и др.

Визуальный ряд состоит из видео-рассказов, диафильмов, фрагментов мультфильмов, спектаклей и концертов, др.

На выставке предполагается проведение мастер-классов: «Лошадки на палочке — мастерим и скачем» и «Рисуем и фотографируем деревянных лошадок».

Экспозиция включает выставку-продажу игрушек и изданий, связанных с деревянными лошадками.